

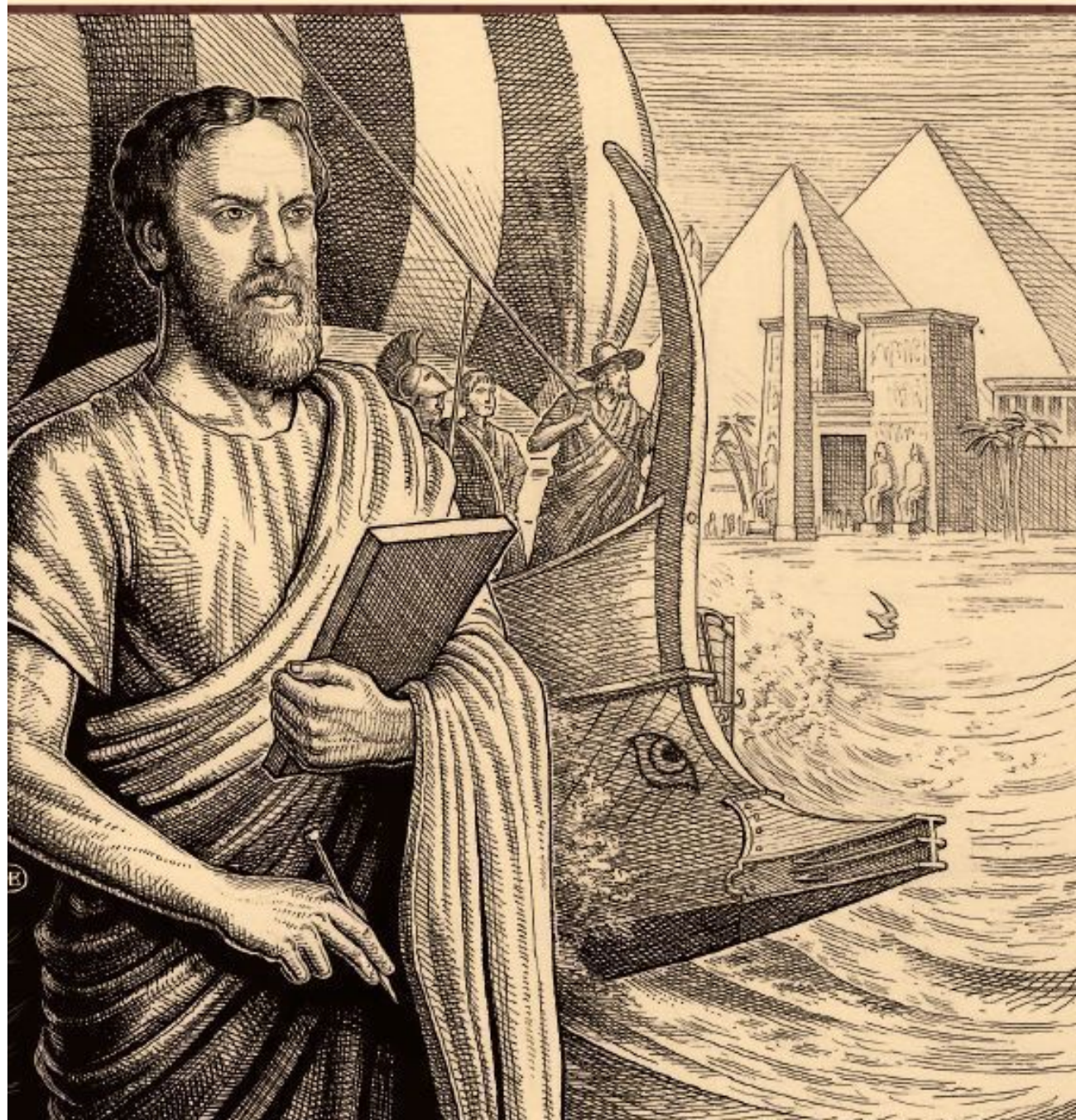

всесторонняя история в романах

Сергей СУХАНОВ

ОСТРАКОН И ПАПИРУС

Всемирная история в романах

Сергей Суханов

Остракон и папирус

«ВЕЧЕ»

2023

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2)

Суханов С. С.

Остракон и папирус / С. С. Суханов — «ВЕЧЕ»,
2023 — (Всемирная история в романах)

ISBN 978-5-4484-8939-6

Память человеческая коротка. Чтобы событие запомнилось, о нем должен кто-то написать. Важное пишется на папирусах, ведь они стоят дорого. Не очень важное – на черепках-остраконах, ведь они дешевы. Однако у судьбы свое мнение о том, что важно, а что нет. Она обращает в ничто папирусы и черепки, зато хранит историка. Если историк останется невредим, то напишет «Историю», которая запомнится. Вот почему судьба благосклонна к Геродоту на всем его нелегком пути. Данная книга, рассказывающая о юности знаменитого греческого историка, жившего в V в. до н. э., является продолжением романа «Выбор Геродота», ранее опубликованного в этой же серии.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2)

ISBN 978-5-4484-8939-6

© Суханов С. С., 2023
© ВЕЧЕ, 2023

Содержание

Об авторе	6
От автора	8
Часть первая	9
Пролог	9
Глава 1	13
Глава 2	30
Глава 3	47
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Сергей Суханов

Остракон и папирус

© Суханов С.С., 2023

© ООО «Издательство «Вече», 2023

Об авторе

Сергей Сергеевич Суханов

Сергей Сергеевич Суханов родился в 1958 году в г. Потсдаме, ГДР. Впоследствии семья переехала сначала в Рязань, а затем в Ленинград, где Сергей окончил английскую школу, решив в дальнейшем связать свою жизнь с филологией. Однако с первого раза поступить на филфак Ленгосуниверситета не удалось.

Мечта сбылась после службы в рядах Советской армии и окончания подготовительных курсов при Ленгосуниверситете – Сергей был зачислен на скандинавское отделение.

Впоследствии работал гидом-переводчиком с английского и шведского языков, организовал частное предприятие. Завершил свою трудовую карьеру на посту топ-менеджера крупной шведской фирмы. Без отрыва от работы окончил экономический факультет Санкт-Петербургского госуниверситета.

После истечения срока контракта пытался найти себя в разных сферах деятельности, но удовольствие приносила только работа журналистом-фрилансером. Сергей написал около сорока статей для журнала «Тайны двадцатого века» на разнообразные темы, специализируясь на интересных исторических фактах и загадочных научных явлениях. Постепенно пришло понимание, что ему по плечу более серьезное творчество. Оставалось определиться с жанром.

В то время Сергей зачитывался книгами популярных российских писателей: Виктора Пелевина, Бориса Акунина, Владимира Сорокина. Но наиболее сильное впечатление на него произвели романы Алексея Иванова. Безупречная стилистика, удивительные по красоте метафоры, динамичный сюжет – эти несомненные достоинства книг Иванова не оставили Сергея равнодушным и помогли выбрать жанр, в котором лучше работать, – исторические приключения. При выборе темы тоже почти не возникло колебаний, ведь Сергей давно увлекается историей Древнего мира.

Действие опубликованных романов Сергея Суханова «За рекой Гозан» и «Тень Химавата» разворачивается в первом веке новой эры. География произведений обширна – от хребтов Гиндукуша до берегов Индийского океана.

Роман «Сова летит на север» посвящен событиям середины V в. до н. э. на Боспоре (современный Керченский пролив), и это тоже не случайно, ведь Сергей, по его собственному признанию, обожает Крым: «Стрекот кузнечиков в обожженной солнцем траве, напоенный запахом моря воздух, пастелевые закаты, словно сошедшие с картин импрессионистов, – этой благословенной земле, как хорошему актеру, подвластна любая роль: и дикой Таврики Геродота, и чарующей утопической Гринландии Александра Грина, и вождя Элизима советского отпускника». Это восприятие Крыма в полной мере проявилось в книге...

Сергей Суханов – член Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Он отец двух замечательных дочек.

Избранная библиография:

За рекой Гозан, 2020

Тень Химавата, 2020

Сова летит на север, 2021

Выбор Геродота, 2022

От автора

Мне очень нравится употреблять древние слова. В этом заключается одна из особенностей моего авторского стиля. Я глубоко убежден, что такие слова служат мостиком между настоящим и прошлым, помогая читателям глубже погрузиться в далекую эпоху, полнее представить себе ее подлинную обстановку, почувствовать повседневную жизнь наших предков на кончиках пальцев.

Одни древние названия предметов и явлений читателям знакомы из книг, а значит, не нуждаются в пояснении, другие могут встретиться впервые. Поэтому я на всякий случай использую ссылки. Кому-то это нравится, а кого-то они отвлекают от чтения. Но мне приходится идти на риск ради того, чтобы придать антуражу историческую достоверность.

Вторая часть моего романа посвящена путешествию Геродота по Древнему Египту. Во время работы над текстом я использовал подлинные древнеегипетские слова. Некоторые из них давно входят в арсенал египтологов. Например, «бехен» – это название пилона, а «чехен» – обелиска. И «пилон», и «обелиск» сами по себе слова из глубокой древности, поэтому одно можно легко заменить другим. Естественно, используя ссылку или дефис.

Но вот как правильно назвать предметы одежды? Древнегреческие хитон и гиматий или туника римлян не имеют к одежде древних египтян никакого отношения, а писать современные слова «платье», «юбка», «плащ» у меня просто рука не поднималась. Для меня платье – это что-то такое легкомысленное с пояском, пуговицами и оборками. Или строгое, но на молнии. В Древнем Египте таких платьев точно не было. Юбка считается традиционно женской одеждой, по крайней мере в европейской моде (шотландский килт – исключение). Как-то не хотелось надевать юбку на египтян мужского пола. А услышав слово «плащ», я представляю себе дождевик из синтетической ткани а-ля болонья. Поэтому и решил, что вместо плаща мои персонажи будут носить нейтральную накидку.

В литературе по египтологии названия предметов одежды встречаются только в виде сочетания согласных букв латиницы или русской кириллицы. Существуют общепринятые среди российских египтологов правила транслитерации с добавлением гласных букв. К сожалению, мне они неизвестны. Но даже если бы я мог правильно сконструировать такие слова, никто не давал мне права вводить их в употребление.

Пришлось обратиться к первоисточнику. Геродот в «Истории» называет египетский хитон каласирисом. Хотя не все египтологи этот термин принимают, именно его я использовал в моем тексте. Слово «схенти» для обозначения мужской юбки мне многократно встретилось в литературе нон-фикшн, поэтому я смело взял его на вооружение.

Вот так, по крупицам, и создавался антураж моего романа. Надеюсь, вы оцените его по достоинству.

Приятного вам чтения.

С уважением, Сергей Суханов.

Часть первая Острова

*Муза, скажи мне о том многоопытном муже,
который,
Странствуя долго со дня, как святой Илион им
разрушен,
Многих людей, города посетил и обычаи видел,
Много и сердцем скорбел на морях, о спасенье
заботясь
Жизни своей и возврате в отчизну спутников...¹*

Гомер «Одиссея»

Пролог

546 год до н. э.

Побережье острова Самос

Когда остров Наксос растаял в утренней дымке, огромный корабль-пентеконтера задрожал от бортовой качки. Гребцы втянули весла в трюм и привязали их ремнями к шпангоутам. Большой посольский вымпел с вышитой по белому полю красной буквой лямбда забился наверху мачты.

Капитан-навклер заорал низким зычным голосом, приказывая идти галсами. Матросы под звуки флейты ухватились за ванты, разворачивая парус. Кормчие навалились всем телом каждый на свое рулевое весло.

Капитан переглянулся с товарищем – лохагом, начальником внушительного количества воинов-эпибатов, охранявших пентеконтеру, – и едва заметно кивнул ему: новость требовала срочного обсуждения. После этого оба уединились в палубной надстройке и задернули полог, чтобы разговор не подслушали матросы либо кто-то из эпибатов. Мнениями обменивались вполголоса.

Спарта совсем недавно заключила с Лидией договор о военной взаимопомощи, а теперь решила закрепить соглашение. Представители Спарты должны были от имени Герусии² вручить царю Лидии Крезу огромную медную чашу-кратер с пожеланиями успехов, а также заверить его в своей искренней дружбе.

Геронты³ снарядили в союзное государство посольство всего из двух человек – капитана-навклера и лохага. Для этого имелась своя причина. Все свободные от государственной службы спартиаты отправились с войском на покорение Арголиды.

Так что аристократы в это непростое для Спарты время были наперечет. Тем не менее оба посла происходили из знатных дорийских фамилий и имели за плечами немалый боевой опыт.

Посольство обещало быть удачным, пентеконтера спокойно плыла выбранным курсом, однако во время остановки на Наксосу выяснилось, что армия Креза разбита под Сардами.

¹ Гомер «Одиссея», пер. В.А. Жуковского.

² Герусия – в Древней Греции совет старейшин в городах-государствах преимущественно аристократического устройства.

³ Геронты – старшие представители родовой знати в Спарте, были советниками спартанских царей.

Купец из Эфеса передал послам слухи о проигранной царем Лидии битве, когда узнал, что спартанцы везут царю подарок.

По словам торговца, Крез имел численное преимущество, но шах Кир, сын Камбиса, применил военную хитрость. Он решил прорвать левый фланг лидийцев: сначала ударил по пехоте конницей, а когда на подмогу дрогнувшим копейщикам пришла кавалерия, пустил на нее бедуинов.

Испугавшись верблюжьего запаха, кони лидийцев взбесились. В боевом порядке воцарился хаос. Всадники бестолково кружились на месте, пытаясь сладить с конями. Копейщики начали отступать, а затем и побежали.

На правом фланге дела обстояли не лучше. Пока ассирийские наемники сдерживали египетских лучников Креза, Кир зашел египтянам в тыл. На предложение шаха Персии и Мидии перейти на его сторону, они ответили согласием.

Лидийская армия потерпела сокрушительное поражение. Бежавший с поля боя Крез закрылся в Сардах, однако Киру потребовалось всего четырнадцать дней, чтобы захватить осажденную крепость. О судьбе бывшего царя Лидии купец ничего не знал.

Какой именно подарок везут послы Спарты, торговец спрашивать не стал, понимая, что все равно не скажут. При этом его внимательный взгляд различил в куле из парусины перед мачтой очертания чаши.

Пока купец рассказывал и пытался получить хоть малую толику сведений в ответ, капитан по имени Андроник стремился ничем не выдать беспокойства и только теперь, на корабле, озабоченно спросил лохага – начальника своей охраны:

– Что делать будем?

Андронику, уроженцу горной Селласии, уже исполнилось пятьдесят, поэтому он занимал в посольстве Спарты должность архистарейшины. Именно ему геронты доверили хранение дорожных денег, грамоты-дипломы с инструкциями, а также рекомендательного письма к проксену Спарты в Сардах.

Сорокалетний лохаг Телеф, происходивший из приморского Гифия, на время посольской миссии формально обязан был подчиняться Андронику. Однако в ходе плавания послы совместно распили столько вина в рубке, что правда выкристаллизовалась как самосадочная соль на дне прибрежного лимана: лидер в этой паре – гифиец.

Телеф горячо зашептал:

– Избавляться надо от нее, пока не поздно. Кому вручать-то? Мы ведь выгрузим кратер в Ионии, смотря куда ветром отнесет. Если архонты в приморских полисах узнают про чашу, мы ее все равно лишимся. Крез им теперь не указ... А так хоть денег заработаем.

– В смысле? – не понял Андроник. – Что значит «заработаем»? Деньги придется отдать геронтам... Мы все-таки выполняем поручение Совета старейшин.

Телеф с досадой выдохнул:

– Я что-то не пойму, ты тертый моряк или упертый агораном⁴. Пусть агораном за порядком следит и о правильных ценах печется... Жить надо так, чтобы себе не в убыток.

Андроник, которому в детстве розгами вколотили постулаты спартанской системы образования агогэ, смущенно хмыкнул.

Телеф сделал вид, будто принял этот смешок за согласие. Только наигранно проворчал:

– То-то... Строишь из себя недотрогу. А я уж было подумал, что тебя устраивает плата за издержки – две драхмы в день.

Капитан кусал губы:

– Что мы Народному собранию скажем? Везли, да не довезли... Это обман граждан, придется ответить...

⁴ Агораном – выборное должностное лицо, отвечавшее за порядок на рынке.

Начальник охраны на мгновение растерялся.

Однако алчность взяла верх над спартиатским кодексом чести и здравым смыслом:

– То и скажем... Что ее отняли! Вот... Кто проверять будет? Самосские геоморы⁵ пусть делают с ней, что хотят, нам какое дело... Хотя лично у меня сомнений нет – такую красоту в сад не поставишь, там ее птицы загадят. А для дружеского симпозиа она великовата. Это тебе не придворную челядь поить в Сардах на Дионисии... Так что в храме Геры ей самое место – отличный подарок для богини... и ее служителей. Геоморам важно иметь хорошую репутацию в фиасе⁶ Геры, потому что простой люд к мнению духовенства прислушивается. Подкупил жрецов – считай, что выиграл выборы... Зато нас с тобой цари поблагодарят.

– С чего это? – засомневался Андроник.

– А с того! – рассердился Телеф. – Внешняя политика – это их вотчина. Ты ведь дальний родственник Агиадов?

Капитан кивнул.

Начальник охраны продолжал дышать перегаром товарищу в лицо.

Подтверждение Андроником родства с одним из царей Спарты придало ему уверенности:

– Тебе нравится, когда портовые контролеры на островах в трюм лезут и пошлину дерут за все, что не приколочено?

Теперь капитан замотал головой.

Телеф в возбуждении брызгал слюной:

– Вот войдет в Самосский пролив эскадра и начнется наш порядок, спартанский... Кто сильный, тот и прав... Закон Ликурга гласит, что если поступок спартиата принесет Лакедемону пользу, то он может действовать на свой страх и риск. Мы так и поступим – с минимальным риском, зато без страха...

От открывшихся перспектив получать хорошие барыши за беспошлинный провоз товаров из Лакедемона в богатую Ионию у капитана загорелись глаза.

Однако он решил привести последний довод:

– Вообще-то посольские корабли не трогают даже пираты. Крез подчинил Колофон, Эфес и Приену, а оттуда до Самоса рукой подать. Геоморы дураки, что ли, грабить посольство Спарты, если это выйдет им боком. Стоит лидийцам докопаться до правды...

Потерявший терпение Телеф рывкнул на Андроника:

– Креза больше нет!

Капитан с видом побитой собаки снова закивал головой.

Послы еще поговорили, обсуждая детали...

Когда пентеконтера бросила якорь в гавани Самоса, к берегу рванул обшитый кожей ялик. Не заходя в здание таможни, капитан с начальником своей охраны направились к бульвтерию⁷.

Андроник прижимал к бедру посольский жезл-керикион с двумя застывшими по воле Гермеса бронзовыми змеями. Телеф украсил голову тенией с узором из лямбды, а в руке нес переплетённую разноцветными лентами оливковую ветвь. Белоснежные хитоны липли к ногам под порывами бриза.

На Самосе официальными атрибутами никого не удивишь, в бульвтерий и не такие птицы залетали. Однако статус подчеркнуть вовсе не вредно, чтобы богачи смелее развязали мошну.

Спартиаты прошли через агору к четырехколонному портику. Предъявив дежурившим у входа гоплитам подорожную Совета старейшин, зашлепали сандалиями по шершавым квадратам.

⁵ Геоморы – землевладельцы, социальная группа в обществе Древней Греции.

⁶ Фиас – религиозное объединение вокруг культа того или иного божества.

⁷ Бульвтерий – здание для заседаний государственного совета. Сам совет назывался «буле».

По украшенному бюстами почетных граждан коридору секретарь провел послов Спарты в приемную комнату. Вскоре вошли несколько членов городского буле, все как на подбор дородные, с золотыми печатками на пальцах, в аккуратно подстриженных и намасленных бородах.

Когда саммеоты спросили в лоб: «Зачем продаете подарок?», послы сказали правду: дарить больше некому. А потом приврали: у нас, мол, инструкция – в сомнительной ситуации продавайте, чтобы обратно не везти. «А насколько эта ситуация сомнительная, нам проверять неохота, потому что своя шкура дорога».

Торговались долго. Сказался опыт обеих сторон: ползчив пес, да и лиса хитра. Зажиточные земледельцы-геоморы предлагали в обмен на медный кратер то сладкое самосское вино, то льняное полотно, то мед.

Послы отнекивались, ссылаясь на то, что придется везти товар в Коринф. А на волоке из Кенхрей в Лехей амфоры неизбежно побьются. Ткани тоже не манят – товар капризный, соли боится, не ровен час намокнет в дороге. Но вот если бронзовые или медные гвозди...

В конце разговора Андроник попросил у геоморов описать полученного в обмен на чашу товара. При этом с честным выражением на лице пояснил: документ предназначается для отчета властям Спарты. Так положено... Старейшина геоморов раздавил печаткой с гербом Самоса комок смолы на папирусе, а архистарейшина посольства спрятал опись в заплечную торбу.

На пентеконтеру капитан с начальником охраны вернулись довольными. Сделка оказалась удачной. Если вычесть плату воинам Телефа за молчание, все равно после продажи гвоздей останется по десяти мин на каждого.

Правда, придется нанимать новых гребцов, потому что ненадежные илоты рано или поздно проболтаются о продаже чаши, а значит, должны пойти на корм рыбам.

Геронтам заговорщики скажут, что часть рабов умерла от кровавого поноса, а остальных убили саммеоты, когда грабили корабль. В эту ложь поверит кто угодно: пиратов в Эгейском море, что блох на загривке у вола. Зато плату нанятым в Коринфе гребцам можно будет списать на дорожные расходы.

Через два дня на рассвете лодки притянули к кораблю плот. Саммеоты обвязали чашу пеньковыми тросами, перевалили через планширь по освященным в храме Геры доскам и осторожно опустили на бревна.

С берега за погрузкой внимательно наблюдали жрицы храма Геры. Как только вола оттащили плот с чашей в храм, пентеконтера лакедемонян распустила парус.

Поймав порыв Борея, корабль сперва накренился на левый борт, а потом тяжело двинулся на запад. В трюме от качки едва слышно шуршали наваленные мешки с гвоздями. За кормой вспенились буруны, в белом кружеве которых несколько мгновений мелькали клочки разорванной Телефом описи.

Вскоре они намокли и начали медленно погружаться в морскую пучину.

Глава 1

1

468–467 годы. до н. э.

Самос, Мисия⁸, Хиос, Кипр, Наксос

Непогода налетела внезапно.

Дождь хлестал по крыше храма Геры – Герайона – с такой силой, словно хотел сорвать черепицу. Тучи упорно цеплялись махровыми лапами за вершину горы Амвел. Ветер без всякого почтения мял крону священного Целомудренного дерева, под которым, по преданию, родилась сама богиня Гера.

Река Имбрас извергала густые темные потоки в Самосский пролив. Рыбачьи лодки, которые хозяева не успели вытащить на берег, сорвались с привязи и беспомощными скорлупками металась по устью, царапая днищем глиняные наносы.

На фоне темной громады полуострова Микале мелькал парус. Пентеконтера отчаянно боролась с муссоном, пытавшимся выгнать корабль в открытое море.

Геродот прятался от дождя за третьим рядом мраморных колонн. Но даже сюда долетали холодные брызги. Он чувствовал, как в сандалиях хлопает вода, а намокший гиматий неприятно липнет к ногам.

Ему корабль не нравился. Потому что не походил ни на кипрский лемб, ни на кикладский керкур, ни на родосский келет. С таким упорством к Самосу во время шторма могут плыть либо те, кто спасается от преследования, либо сами преследователи.

Но при погоне в море должно быть два паруса. К тому же корабль сильно зарывался носом, а значит, это не тупорылый, хотя и устойчивый самосский самен, а пентеконтера с ионийского побережья.

Неужели каратели галикарнасского тирана Лигдамида? Похоже на то... Геродот быстро соображал. Открыто они не полезут в Герайон. Жрицы поддерживают правящих островом геоморов, а те делают щедрые взносы фиасу Геры.

Шарить в погребках, проверять чердаки, допрашивать свидетелей ищейкам чудом выжившего тирана никто на острове не позволит. Они будут по-тихому выспрашивать саммеотов о родственниках дяди Геродота – Паниасида. Пока не выяснят, что у них есть союзник – Батт.

Обе семьи, его и дяди, скрывались в храме Геры уже три месяца. Им пришлось бежать из Галикарнаса на Самос после неудачного покушения Паниасида на Лигдамида.

Наемники тирана не сразу взяли след. Зато наксосский пират, потерявший поделничков в, казалось бы, легком деле, которое обернулось для банды провалом, преследовал свою жертву, как почуявший запах крови волк – упорно и неутомимо.

Батт плыл за беглецами до самого Самоса. В городе он их потерял, а они успели попросить убежища в храме Геры. Но мститель не сдался. По ночам он слышал в голове тихий шепот мертвых товарищей: утопленного Паниасидом Гнесиоха и Гринна, зарезанного другом Геродота – Херилом.

Голоса твердили: «Убей! Убей! Всех!..»

Пират соорудил себе из сена и веток шалаш возле храма, откуда следил за входом на теменос днем и ночью. А когда спал, то вахту несли нищие, нанятые им за пару лепт.

⁸ Мисия – область на северо-западе Малой Азии.

Стоило беженцам выбраться с теменоса под охраной друзей Херила, как Батт вылезал из шалаша и в бессильной злобе сжимал кулаки – он ничего не мог противопоставить хорошо вооруженным саммеотам. Гиппокамп на его плече недовольно хмурился.

Так они и шли, опасливо прижимаясь друг к другу под ненавидящим взглядом наксосца. Все понимали, что рано или поздно он найдет новых подельников, а значит, нападение неизбежно...

С неустроенностью быта приходилось мириться. Положение ухудшалось тем, что вдова Паниасида Иола была на сносях и могла родить в любой момент. Осунувшиеся, завшивевшие беглецы учились мириться с тяжелыми жизненными обстоятельствами.

Наступила осень, с хребтов Ионии задул неуютный влажный ветер. Шерстяная одежда пока спасала от холода, однако зимой без очага будет совсем плохо. Убежище – это хорошо, но в храме нельзя прятаться вечно, вот уже и жрицы начали коситься на галикарнасцев.

Семьи питались едой из дома Херила. Мать Геродота Дрио расплачивалась с ним остатками займа, который Паниасид взял у трапезитов перед вторым покушением на Лигдамида. Гиеродулы делились с беженцами жертвенным мясом.

Слава Гере, на теменосе имелся свой колодец. Однако по нужде приходилось ходить всем вместе за пределы Герайона, чтобы не осквернять храм.

Галикарнасцы помогали гиеродулам, чем могли: родной младший брат Геродота Феодор и двоюродный брат Формион таскали в мехах воду из колодца, рубили дрова, украшали храм перед праздниками. Дрио стирала, Иола обучала поварих острой карийской кухне.

С Матерью фиаса Метримотой у Геродота сложились доверительные отношения. Жрица часто приглашала его на беседы, расспрашивала о Дельфах, просила пересказать прочитанные в свитках из библиотеки Лигдамида тексты.

Вечерами, устроившись на ковриках в пронаосе храма, галикарнасцы обсуждали свое туманное будущее. Женщины тихо переговаривались, тяжело вздыхали. Геродот и повзрослевшие мальчики скупно роняли слова утешения, но по большей части сосредоточенно молчали...

Беда случилась через два дня после шторма.

Как только беженцы вышли за ворота теменоса в сопровождении Херила и его друга Фрасимеда, из шалаша снова вылез Батт. На этот раз он мстительно ухмылялся. Даже взгляд гиппокампа на его плече казался зловещим. Трое крепких парней встали рядом с наксосцем, опираясь на жерди.

«Наемники Лигдамида... С той самой пентеконтеры», – догадался Геродот.

Херил быстро осмотрелся. Возле нимфея былолюдно: женщины переговаривались, набирая воду в пузатые двуручные пелики, мужчины деловито грузили полные гидрии и меха в повозку.

Обратившись к горожанам, он попросил о помощи. Херила в городе знали как чтеца, часто выступающего на рыночной площади, поэтому к его просьбе прислушались.

К оврагу за агорой галикарнасцы добирались в окружении толпы. Иолу подвезли на повозке. Сопроводив беженцев до рыночной отхожей ямы, горожане разошлись по своим делам.

Перед тем как отправиться в обратный путь, семьи обсудили положение с Херилом и Фрасимедом.

– Батт не впустит нас обратно, – с тревогой в голосе сказал Геродот.

– Значит, будем пробиваться! – горячо заявил Формион.

– У них нет ножей и мечей, только палки, – тихо заметила Дрио. – Почему?

Херил ухмыльнулся:

– Потому что Самос уже одиннадцать лет входит в Делосскую симмахию. Аристид возродил на острове Народное собрание, после чего потребовал запретить эллинам с азиатского материка иметь на острове оружие.

– Чего он боялся? – спросила Дрио.

– Беспорядков, – коротко бросил Херил.

– Нас больше, – запальчиво вмешался Фрасимед, – и у меня есть нож, мне его никто не запретит носить, потому что я гражданин.

– По количеству – да, больше, – усомнился Херил, – но на самом деле расклад не в нашу пользу: двое против четверых. Женщины и подростки не в счет.

Он кивнул в сторону галикарнасцев. Формион с Феодором недовольно переглянулись, однако промолчали.

Зато Геродот вскинулся:

– Я хоть и не эфеб, но драться умею. И потом... Даже если мы переберемся в храм Зевса Элевтерия или в храм Артемиды, там будет то же самое, потому что Батт пойдет за нами... А здесь у нас быт худо-бедно налажен. Иола скоро родит, ей и младенцу необходим покой хотя бы первое время... Так что Формион прав – выбора нет. Пусть только сунутся!

Херил подавленно кивнул.

Возвращаться беженцам пришлось самостоятельно. По пути Геродот подобрал на свалке рогатый бычий череп. Возле арки на теменос галикарнасцев уже ждали, все те же четверо – Батт и громилы Лигдамида.

Стало ясно, что столкновения не избежать. Херил выставил перед собой дубину. Фрасимед достал нож. Геродот поудобней ухватился за бычьи рога. Формион и Феодор подобрали с земли камни. Дрио обняла за плечи Иолу, заслонив золовку собой.

Два наемника двинулись к Херилу. Замелькали жерди, послышались глухие удары. Саммеот вертелся на месте, отмахиваясь дубиной. Батт решительно пошел на Фрасимеда, выставив перед собой нож.

Третий наемник налетел на Геродота, который успел подставить под удар палкой бычий череп. Тяжелое дыхание, треск, вскрики боли – драка набирала обороты.

Один из наемников подсек Херила жердью. Саммеот неуклюже упал, но и, лежа на спине, он пинался ногами, не подпуская к себе нападавших. Даже пытался отбиваться дубиной.

Геродот пропустил удар по ребрам, затем по голове. Ухо словно обожгло огнем, в глазах потемнело, дыхание перехватило. Наемник уже занес палку для последнего, самого жестокого удара.

Вдруг громила присел. От виска потекла струйка крови. А Формион все швырял и швырял в него камни, целясь в голову. Тогда наемник повернулся в его сторону и с перекошенным от ярости лицом пошел на мальчика.

Формион попятился, при этом оступился. Взмахнув руками, он опрокинулся на спину, а наемник замахнулся палкой. Геродот не раздумывал – просто бросился вперед, выставив перед собой бычий череп. Громила охнул, когда рог вошел ему в живот. Еще через мгновение его ноги подкосились.

Воспользовавшись тем, что соперники отвлеклись на кидавшего в них камни Феодора, Херил врезал одному из них дубиной по колену. Тот застонал от боли и схватился за плечо товарища, чтобы не упасть.

Херил сумел вскочить, хотя и пропустил чувствительный удар по локтю. Он снова орудовал дубиной, удерживая наемников на расстоянии. Но левая рука слушалась плохо, а боль в локте казалась нестерпимой.

Все это время Батт и Фрасимед кружились в пляске смерти, делая быстрые выпады. Хитоны обоих были покрыты красными пятнами, на кисти наксосца кровоточил длинный порез, щеку саммеота пересекала безобразная рваная рана.

Батт прыгнул вперед. Фрасимед перехватил его руку с ножом, однако синекожий тоже стиснул его запястье. Оба соперника стояли вплотную друг к другу, при этом каждый пытался вырвать руку из захвата.

Внезапно наксосец откинул голову назад, а затем резко ударил саммеота лбом в лицо. Фрасимед отшатнулся, вскинув руку к сломанному носу. Этого мгновения синекожему хватило, чтобы ударить его ножом в грудь.

Фрасимед рухнул на вымостку. Батт торопливо склонился над ним. Ослабившись хищной улыбкой, наксосец полоснул саммеота по горлу. Тот захрипел, дернулся и затих.

На площади перед храмом уже собралась толпа. На крики и шум из соседних кварталов высыпали люди. Вскоре соперники оказались в кольце горожан, которые требовали прекратить побоище.

Галикарнасцы жались к Херилу. Наемники Лигдамида вместе с Баттом встали напротив. Обе стороны еще не остыли от ярости схватки, но продолжать ее не хватало сил. На земле остались лежать два окровавленных трупа.

В арке показалась Метримота в сопровождении гиеродул.

Горожане перестали галдеть и почтительно склонились перед Матерью фиаса. Как всегда, волосы жрицы были заплетены в косы, а лицо блестело от оливкового масла. На белоснежном хитоне играли золотые пряжки, с пояса под грудью свисала бахрома.

– Именем Геры – прекратить! – голос Метримоты прозвучал властно и требовательно. – Поднимать руку на тех, кто ищет убежища в храме, – это святотатство.

– Они сейчас не в храме! – рявкнул Батт.

– У беременной элинки на голове строфион с изображением кукушки, – Метримота показала рукой на Иолу, – а значит, она под охраной Волоокой.

Жрица потрясла в воздухе костлявым кулачком:

– Пропустить!

Толпа расступилась, позволив беженцам пройти сначала к сосудам-периантериям с освященной водой, а потом и в арку теменоса. Батт шумно выдохнул в бессильной злобе.

Херил склонился над телом Фрасимеда. Наемники поволокли убитого Геродотом товарища к шалашу. Убедившись, что он мертв, положили ему в рот медную монету и опустили веки.

2

Остаток дня галикарнасцы приводили себя в порядок.

Вымылись, сменили одежду, намазали ссадины и ушибы медом. Херилу Дрио повесила на шею свою подгрудную повязку, чтобы он мог продеть в перевязь ушибленную руку. Иола отдыхала на тростниковой циновке.

Вечером гиеродула пригласила Геродота в опистодом для беседы с Метримотой. Звук шагов заглушался отчаянным шелестом листвы. Пламя факелов плясало на осеннем ветру. Над бронзовыми кольцами в стенах чернели пятна битумного нагара. Колонны вытягивали в сгустившуюся темноту щупальца теней.

Метримота возлежала на кушетке-канапелоне, обложившись подушками. Очаг сочился жаром. Гиеродула у ее ног тихо пела, аккомпанируя себе на лире. От тимиатерионов исходил сладковатый запах благовонной камеди. Пара священных павлинов клевала зерно из серебряного блюда.

Помещение казалось тесным из-за обилия амфор и кувшинов, уложенных в стопки циновок, широко упиравшихся в пол бронзовых курильниц, поставленных друг на друга глиняных ламп, храмовой утвари...

Геродоту предложили сесть на стул-клисмос с гнутыми ножками. Он насупился, предчувствуя серьезный и, может быть, даже неприятный разговор.

– Вашему положению не позавидуешь, – сказала жрица без обиняков, – пока вы в храме, вы в безопасности, но сегодня стало ясно, что покидать пределы теменоса вам больше нельзя.

– Верно, – скупое подтвердил Геродот. – Но скоро деньги закончатся... Придется либо искать поденную работу, либо побираться вместе с братьями на рынке. Семьи надо кормить, так что просто безвылазно сидеть в храме не получится.

– И как ты себе это представляешь? – спросила Метримота. – Батт каждое утро будет поджидать вас на выходе с теменоса.

Галикарнасец пожал плечами:

– Херил приведет друзей. Нас прикроют.

Жрица нахмурилась:

– Двух трупов вам мало? Сегодняшнюю драку я еще постараюсь замять, но, если такое будет повторяться, по всей Элладе разнесется слух, будто храм Геры на Самосе перестал быть надежным убежищем... Это прямая угроза авторитету фиаса.

Геродот сидел с кислым выражением на лице. Он не знал, что сказать. Помолчав, Метримота продолжила.

Теперь она говорила вкрадчиво:

– Решение есть, хотя за него придется заплатить.

Галикарнасец поднял на нее удивленный взгляд:

– Заплатить? Чем? У нас осталось всего несколько драхм на еду.

Жрица вздохнула:

– Ты знаешь, что ребенок, родившийся в храме, становится собственностью фиаса. Мы обязаны забрать его у матери, вырастить, а потом посвятить Гере. Такова плата за предоставленное убежище... После родов мать покидает храм, но в случае с Иолой я готова сделать исключение. Она может стать гиеродулой и сама нянчить младенца. Но только по собственному желанию... Взамен я обещаю, что Батта выгонят с острова. Наемников Лигдамида на Самос тоже больше не пустят. Тиран Галикарнаса нам не указ, пусть ловит врагов на своей территории... Ты и твои родственники сможете спокойно жить на острове. Например, в доме Херила... Или арендовать усадьбу-синоцию. Найдешь себе простата, который за тебя поручится перед Народным собранием, будешь платить ежегодный налог в казну... И никто вас пальцем не тронет.

– Зачем тебе Иола? – удивился Геродот. – Ты ценишь ее как повариху?

Жрица покачала головой:

– Готовит Иола отлично, но не это главное...

Поднявшись с канапелона, она поманила за собой галикарнасца:

– Иди за мной.

Пришлось снова обогнуть храм. Из пронаоса Метримота повела Геродота в главный зал Герайона – наос. Родственники проводили обоих недоуменными взглядами.

В наосе царил полумрак. Сквозь арку адитона виднелся древний деревянный идол сидящей на троне Геры. Посреди зала на мраморном постаменте стояла огромная медная чаша с выпуклыми, как у тыквы, долями. На ее натертых до блеска боках отражались огоньки тлеющих тимиатерионов.

Верхний обод чаши был украшен виноградными лозами, две внушительные ручки по бокам изгибались побегами аканта, по краю широкой круглой подставки бежала непрерывная лента из символа вечной жизни меандра.

Жрица показала рукой на чашу:

– Это кратер для смешивания вина, который лакедемоняне везли в подарок Крезу.

Геродот с пониманием закивал:

– Да, я знаю, мне про него еще в Дельфах рассказывали... Послы заявили геронтам, что по дороге их ограбили саммеоты.

– Нет! – резко сказала Метримота. – На послов никто не нападал, геоморы выкупили кратер, чтобы посвятить его в Герайон.

– Тогда зачем они придумали грабеж? – Галикарнасец не мог скрыть удивления.

– Чтобы иметь предлог для нападения на Самос, – уверенно заявила жрица. – Спарта попыталась это сделать при Поликрате, когда изгнанные тираном мятежники попросили эфоров о помощи. Объединившись с коринфянами, лакедемоняне послали к острову флотилию. Им даже удалось захватить одну из крепостных башен, однако Поликрат сумел отбить атаку. Сорокадневная осада полиса закончилась безуспешно для Спарты, тогда флотилия отплыла домой... И дело здесь вовсе не в чаше. Захватчики хотели оставить на острове гарнизон, чтобы контролировать торговые пути из Эллады в прибрежные полисы Ионии.

Геродот слушал жрицу, затаив дыхание. Он только что узнал одну из тайн большой политики.

Метримота обвела зал рукой:

– Все, что ты здесь видишь, – это дары Герайону от царей, свободных полисов и богатых адептов... И не только из Эллады. Вон те два деревянных ксоана – подарок фараона Амасиса... Бронзовые доспехи и серебряные сосуды раньше находились во дворце Поликрата. Они были пожертвованы храму писцом Поликрата, Меандрием... Картины на деревянных досках с изображением переправы армии Дария по понтонному мосту через Геллеспонт посвятил в Герайон строитель этого моста Мандрокл... Медный кратер с опорой в виде трех коленопреклоненных статуй и венцом из голов грифонов по верхней кромке – подарок самосских купцов, которые плыли в Египет, но из-за бури оказались в Тартессе. Вернувшись домой, они удачно распродали тартесские товары, а на десятую часть прибыли заказали этот кратер...

Геродот уважительно взирал на реликвии. Ему всегда хотелось узнать их историю, но удобный случай представился только сейчас.

– Так вот... – продолжила Метримота. – Сокровищам храма требуется уход. Младшая жрица, которая этим занималась, умерла от укуса змеи... Я долго присматривалась к Иоле. Мне нравится ее чистоплотность, аккуратность в работе и доброжелательный нрав. Думаю, в ее лице я найду прекрасную замену умершей жрице... Я с ней поговорила. Иола мне рассказала, что до рождения сына совершала паломничество в эфесский Артемисион. Но после того, как стала матерью, начала регулярно посещать храм Зевса Карийского в Миласе. Там она приносила жертвы к алтарю Геры и просила богиню о здоровье для мальчика...

Вздохнув, она закончила:

– Иола недавно пережила тяжелое потрясение, потеряла мужа... Как женщина я ее понимаю. Она призналась, что горе ее сломило, поэтому ей хотелось бы переехать в Миласу и посвятить себя служению Гере... Но ведь она уже в храме Геры... Зачем куда-то уезжать?

Геродот возразил:

– Ты сказала, что ей придется стать гиеродулой, то есть добровольно отказаться от свободы.

– Таковы правила фиаса, – возразила жрица. – Но это ненадолго, только до весеннего равноденствия. Во время празднования Великих Дионисий она пройдет инициацию и станет младшей жрицей, при этом будет пользоваться полной свободой.

– А Формион? – с сомнением в голосе спросил галикарнасец. – Ты лишаешь его матери.

Метримота казалась непреклонной:

– Формион уже не ребенок и не нуждается в материнской опеке. Сегодня он доказал, что умеет постоять за себя. Пока вы живете с нами, он сможет видаться с ней. А потом пусть сам решает... Формион тоже может остаться в храме, если захочет. Сначала будет помощником эпитропа, а когда ему исполнится восемнадцать, я назначу его неокором, пусть следит за чистотой на теменосе.

Жрица отвела глаза в сторону.

Потом бесцветным голосом добавила:

– Но Формиона придется оскопить... В Герайоне не место полноценным мужчинам.

В пронаос Геродот вернулся озабоченным.

Услышав о предложении Метримоты, Иола не колебалась:

– Я согласна... По всем приметам у меня будет девочка, значит, в Герайоне ее ждет сносная жизнь. А мне больше ничего и не надо, лишь бы дочь была сыта и здорова... Время все расставит по своим местам.

Затем она с грустью в глазах посмотрела на Формиона:

– Сынок, я не хочу, чтобы ты стал евнухом... Наш род не должен пресечься, поэтому нам придется расстаться.

3

Порез на кисти саднил.

Нарвав свежих листьев подорожника, Батт сменил повязку. Он валялся на травяном тюфяке, когда ветки над лазом раздвинулись. В шалаш протиснулись общинники из дружины архонта Самоса – судовладельца Антифема.

Саммеоты доходчиво объяснили наксосцу, чтобы он убирался с острова, пока цел. Синеконский не стал нарываться, молча собрал пожитки и направился в сторону гавани.

Уцелевшие наемники из Галикарнаса отплыли домой еще на рассвете. Столкнувшись с достойным отпором, они резонно посчитали, что выполнить поручение Лигдамида им не под силу.

Но родственники Паниасида никуда с острова не денутся, потому что только здесь они могут чувствовать себя в безопасности. Пусть сначала Лигдамид договорится с архонтом Самоса о выдаче беглецов. И тогда они вернутся.

В голове Батта зрел план. Пока он караулил беженцев, у него была возможность расспросить про Герайон многочисленных босяков, которые побирались перед входом на теменос.

Он узнал, что в храме среди прочей ритуальной утвари уже семьдесят пять лет хранится медный кратер лакедемонян, который послы везли лидийскому царю Крезу в знак благодарности за подаренное им золото для статуи Аполлона в Форнаке.

Но по каким-то причинам не довели. Одни говорили, что корабль ограбили пираты, другие утверждали, будто послы сами продали чашу саммеотам, узнав о пленении Креза шахом Киром. Как бы то ни было, собственность Спарты находится здесь, на этом острове.

Солнце еще не успело спрятаться за скалы Самоса, а керкур с синим всевидящим оком на простёганном кожаном парусе уже плыл на запад. До пиратского архипелага Фурни его гнал муссон с гор Карии со скоростью в четыре узла. Затем сбоку резко ударил Скирон, привалил керкур бортом к волнам, но дал выпрямиться и уже больше не мешал.

«Наверняка кратер обошелся спартиатам недешево, – размышлял Батт, сидя на полубаке, пока капитан и матросы управлялись с парусом, – Интересно, после осады Самоса при Поликрате они делали еще попытки вернуть его? Вот бы подговорить лакедемонян на новый штурм Самоса... Они получают кратер, а я – родственников Паниасида».

Батт посчитал, что плыть через Эгейское море в Мессению или Лаконику для разговора с царями Спарты глупо. Ну, скажут спасибо за заботу об их собственности – и все. Спасибо за пояс не заткнешь, похлебку из него не сваришь. Не пиратское это дело – задаром пуп надирать. А плавание стоит денег.

Да и какую помощь он может предложить? Его самого только что вышвырнули с острова. Собрать ватагу и украсть кратер, чтобы вернуть его лакедемонянам за выкуп?

Но ограбить храм эллинской богини для эллина немыслимо. За такое святотатство положена смерть. У него земля будет гореть под ногами по всей Элладе. Здесь нужны иноверцы.

Персы на Самос не сунутся, потому что остров входит в морской союз с Афинами. Любое персидское вторжение равносильно объявлению войны. Ксеркс на это не пойдет.

Карийцы? Они не то иранцы, не то фракийцы по происхождению. Нет, не получится, Кария рядом, саммеоты точно начнут мстить. Тогда в проливы уже не сунешься, потому что они будут кишеть сторожевыми кораблями. В такой тревожной обстановке будет не до разбоя.

Фракийцы? У них под боком Македония, геоморы могут подкупить Александра, и тогда Фракия умоется кровью. В горах обитает столько разных племен, там такой клубок противоречий, что любая искра полыхнет пожаром, который зацепит и Элладу.

Кто еще... Например, египтяне или финикияне.

Но где их взять... Египет далеко, а Финикия... Озаренный догадкой Батт хлопнул себя ладонью по лбу. Кипр! Коренное население острова – эфиопы и финикияне. И те и другие молятся своим варварским богам.

«Вот среди них и наберу команду головорезов, готовых ограбить любой эллинский храм», – решил наксосец.

А кому предложить чашу? Надо найти лакедемонянина, который согласится стать посредником-диаллактом между ним и царями Спарты. Батт нахмурился, пытаясь сообразить, куда обращаться.

Наварх Павсаний, который из резиденции в Византии поручал наксосским пиратам хорошо оплачиваемые задания, вернулся на Пелопоннес.

Рассорившись с властями, он засел в Тегее. В Византии хозяйничают афиняне. Кто теперь поддерживает отношения с сатрапом Даскилия Артабазом, Батту было неизвестно.

В Галикарнасе лакедемонян нет, потому что Лигдамид как-то странно себя ведет. То крыл Афины грязной бранью, то вдруг стал выбирать выражения, а в заливе Керамик появились триеры с совой на парусе.

Кроме того, тиран приблизил к себе гиппарха Менона. После предотвращенного покушения на Лигдамида ушлый фарсалец входит в андрон без стука. Что он нашептывает в уши своему хозяину, известно только статуе Гермеса.

Батт знал, что в мисийской Тевфрании обосновался еще один лакедемонянин – Демарат. К тому же беглый и сильно обиженный на эфоров. История потери трона бывшим царем Спарты облетела всю Элладу.

А дело было так... Клеомен не простил соправителю-паредру Демарату предательства под Элевсином, в результате которого Спарта отступила перед Афинами. Он подговорил аристократа Леотихида, так же, как и Демарат, происходившего из рода Еврипонтидов, обвинить своего родственника в незаконном присвоении царской власти.

Эфоры постановили обратиться к Дельфийскому оракулу. Тут уже постарался дельфиец Кобон: подкупил пифию, которая изрекла нужное заговорщикам прорицание. Демарат был низложен, вместо него паредром Клеомена стал Леотихид.

Демарат не только лишился власти, но и подвергся публичным оскорблениям. Покинув Спарту, опозоренный лакедемонянин отправился в Персию, где был с большим почетом принят Дарием.

Когда Ксеркс напал на Элладу, Демарат вошел к шахиншаху в доверие, давая дельные советы. Вскоре он уже владел в Мисии несколькими городами, а также обширными земельными угодьями.

«Отлично, – решил Батт, – вот к нему и обращусь. Если, конечно, он еще жив... Но лакедемоняне с детства укрепляют свое тело, поэтому живут долго. Кратер послужит разменной монетой в переговорах Демарата со Спартой. Или Ксеркса... Мне какое дело, кто будет владеть чашей? Пожалуй, и выкуп не нужен, лишь бы добраться до беглой семейки».

Пират долго не раздумывал. Первым делом необходимо убедиться в том, что чаша действительно заинтересует Демарата. Значит, придется плыть в Мисию. По дороге ему ничто не мешает пограбить рыбацьи деревни-комы и захватить рабов, так что на Наксос он в любом случае вернется не с пустыми руками.

Месяц боэдромион⁹ был на исходе. В конце пианепсиона¹⁰ закончится навигация, поэтому на Наксосе Батт задерживаться не стал. Заняв под будущую добычу денег в храме Аполлона на острове Палатия, он снарядил легкий двадцативесельный корабль-гейкосору для плавания к Геллеспонту.

Но экипаж укомплектовал всего десятком моряков – такими же, как он сам, опытными и бессовестными громилами. Лишние весла пираты закрепили ремнями под банками, а пустые люки завесили кожей.

С учетом того, что встречный Борей начал ослабевать, Батт рассчитывал вернуться на Наксос дней через двадцать. Большую часть пути корабль пойдет под парусом. Если повезет, в проливах Ионии и Эолиды гейкосору подхватят в нужном направлении местные непредсказуемые ветра.

Так и плыл.

Днем дрейфовал в безлюдных бухтах, ночью бросал якорь вблизи мисийского берега. Под покровом темноты пираты спрыгивали в воду. Убив сторожа и собак, окружали кому, после чего предавались любимому занятию: грабили, насиловали, резали... Дома не поджигали, чтобы свет пожарища не переполошил соседей.

Уцелевших жителей налетчики бросали связанными в их же собственные рыбачьи лодки и на веслах шли к кораблю. Пленников поднимали на борт с помощью переброшенного через рей фала.

К Тевфрании Батт подошел с забитым под завязку трюмом. Двадцать рабов гребли, остальные сидели между банками в колодках или под присмотром келейста вычерпывали застоявшуюся воду. Ошалевшие от безнаказанности подельники пьянствовали на палубе.

Найти Демарата наксосцу труда не составило, так как дом беглого лакедемонянина в полисе знали все. Глухой забор щерился обитыми бронзой воротами. По оштукатуренным стенам карабкались узловатые лианы. На красном черепичном козырьке безмятежно ворковали голуби. Сквозь щебневые наносы в канаве шелестела полуживая мутная струйка.

Стук кольца разлетелся по вишневному саду. Оторвавшись от окучивания деревьев, домашний раб-ойкет повел Батта в прихожую. От стога сена исходил пряный запах. Подсохшие стебли плюща застыли на земле кучей мертвых змей. Привязанная к колышку коза проводила гостя шальным лупоглазым взглядом.

Демарат вышел в андрон в накинутом на плечи распашном персидском кандисе. Высокий, седой как лунь старик. Длинные рукава халата спускались до колен. Острая верхушка войлочного кулаха безвольно свисала над воротом.

Лакедемонянин смерил наксосца оценивающим взглядом. Затем опустил на клинэ, откинув привычным жестом халат вбок. И только тогда кивком показал на канапелон напротив.

Батт терпел непочтительность, понимая, что Демарат у себя дома. С чего бы хозяину рассыпаться в любезностях перед незнакомцем, если цель визита неизвестна. Ну, ничего, скоро все прояснится.

– Мне доложили, что у тебя ко мне дело, – без обиняков начал Демарат.

Батт утвердительно качнул головой. Хозяин удивился: гость неразговорчив.

– Ты кто? – спросил он.

– Купец, – без тени смущения ответил наксосец.

– Чем торгуешь?

– Людьми.

Демарат понимающе осклабился:

– Хиосец?

⁹ Боэдромион – месяц афинского календаря, сентябрь-октябрь.

¹⁰ Пианепсион – месяц афинского календаря, октябрь-ноябрь.

– Нет, с Наксоса.

– Хочешь предложить мне рабов? – допытывался хозяин.

Батт сглотнул, понимая, что разговор о рабах надо заканчивать. Не ровен час лакедемонянин узнает о пиратском рейде гейкосоры по берегам Мисии. Тогда ни о каком договоре не может быть и речи, останется только уносить ноги.

Но меры предосторожности он уже принял: гейкосора встала на внешнем рейде Тевфрании, не убирая весел. Келейст спустился в трюм с оголенным мечом. Приказал пленникам заткнуться и сидеть тихо, демонстративно чиркнув ребром ладони по горлу.

Потом поднялся на полубак. Держась за форштевень, капитан внимательно следил за передвижением лодок по гавани. Если элимены полезут на борт для осмотра груза, корабль рванет в открытое море.

– У меня есть кое-что получше, – сказал Батт с нажимом. – Имущество Спарты.

Демарат удивленно вскинул брови, но промолчал, ожидая продолжения.

– Чаша, которую послы везли Крезу, но не довели.

– И что? – поморщился лакедемонянин. – Она в Герайоне на Самосе. Спарта уже пыталась ее вернуть, но безуспешно.

– Вы так легко отступаете? – поддел хозяина наксосец.

Демарат нахмурился:

– Не дерзи!

Глядя лакедемонянину в глаза, Батт спокойно заявил:

– Могу ее для тебя украсть.

Демарат долго смотрел на гостя. Предложение неожиданное, хотя сделано очень кстати. Как раз вчера ойкеты разоружили очередного наемного убийцу из Спарты. Мстительные эфоры присылают в Мисию палачей с завидным постоянством.

«И сколько это будет продолжаться? – мрачно размышлял он. – Павсаний вернулся в Аркадию, трусливо прячется в тегейском храме Афины Алеи, хотя рано или поздно эфоры до него доберутся... А вот Фемистокл возвращаться в Афины не собирается, но тоже жив и на жизнь не жалуется... Еще бы он жаловался: получил от Артаксеркса в подарок двести талантов, женился на знатной персиянке, управляет городами – Лампсаком, Миунтом... С одной только Магнесии получает ежегодный доход в пятьдесят талантов... Так еще и охотится вместе с шахиншахом, принимает у себя его мать... Вот и меня все устраивает. Есть деньги, недвижимость, персы меня уважают, сатрап Мисии приезжает в гости... Но сидеть безвылазно в усадьбе – тоска, с этим пора кончать... Эфоры – тоже люди, а значит, честлюбивы и алчны. Предложу им кратер в обмен на свою неприкосновенность».

Наконец, Демарат разжал губы:

– Допустим, я соглашусь... Что от меня требуется?

– Деньги на расходы.

– И все? Тебе какой интерес?

– Мои враги нашли убежище на Самосе, – процедил Батт. – Но в одиночку мне их не одолеть.

– И как ты собираешься высадиться? Ополчение Самоса сомнет любой вооруженный отряд. Если у нас не получится... – лакедемонянин развел руками.

– Воспользуюсь народным гуляньем на Великие Дионисии. Команда сойдет на берег в козлиных шкурах и масках сатиров. Во время праздничной неразберихи никто не заподозрит подвоха... Просто подменю кратер.

– Эллины пойдут на святотатство? – с сомнением протянул лакедемонянин.

– Нет! – отрезал Батт. – Команду наберу из киприотов. На Кипре и без эллинов хватает наемников.

– Имей в виду, ее так просто не унести, она вмещает триста амфор, – с сомнением про-
ронил Демарат.

Увидев, что наксосца это заявление не смутило, согласился:

– Хорошо! Пришлешь завтра кого-нибудь за деньгами. Только сначала поклянись, что
не потратишь их впустую.

Наксосец кивнул, затем повернулся лицом к западу:

– Клянусь собственной жизнью не пропить твои деньги, не спустить их на роскошь и
продажных женщин, не закопать, не потерять, не пожертвовать в храм... И пусть меня постиг-
нет гнев Зевса Оркоса и месть Эринний, если обману.

На этом встреча закончилась.

Лакедемонянин задумчиво посмотрел вслед удалявшемуся гостю.

«Ничем не рискую, – теперь уже довольно думал он. – Деньги небольшие, даже если
пропадут – не жалко. А вот выгода налицо... Когда подмена будет раскрыта, мое имя нигде
не всплывет».

Батт только на улице сообразил, что не знает, как выглядит кратер.

4

До Хиоса Батт добрался к середине пианепсиона.

Гейкосора зашла в гавань около полудня дня Аполлона. По случаю праздника светонос-
ного бога маяк дымил оранжевыми от хны клубами. Мачты пришвартованных кораблей зеле-
нели лавровыми ветками. На вантах развевались разноцветные ленты. Даже крики чаек каза-
лись возвышенными.

Праздничное шествие-помпэ уже закончилось. Оно было не таким массовым, как в
праздник Аполлона Боздромия в самом начале осени или на весенних Таргелиях, а в жертву
архонт разрешил заколоть всего десять быков.

Большинство горожан к полудню покинули торговую площадь-дейгму: женщины разо-
шлись по домам, неся в передниках куски пахнущего дымом мяса, мужчины отправились на
симпозию, молодежь разбрелась по садам, чтобы в спокойной обстановке заняться распевкой
перед вечерним состязанием хоров.

Над пристанью витал запах жаркого. Возле прямоугольного алтаря на ступенчатом
цоколе все еще толпились жрецы фиаса Аполлона, заканчивая положенные ритуалы.

Рабы в измазанных кровью хитонах граблями сгребали в кучу обугленные копыта, рога
и кости за окружавшей алтарь веревкой-перисхонисмой, чтобы отвезти останки на телеге к
храмовому ботросу для захоронения.

Жрецы допивали оставшееся от возлияний вино. Заляпанные жиром и копотью гиматии
потеряли белоснежную величавость, венки сидели косо. Зато покрасневшие лица священно-
служителей выражали торжественную сосредоточенность.

Бронзовый Аполлон-кифаред довольно взирал на алтарь с поросового пьедестала. У его
ног возвышался холм из подношений: лавровых венков, символических луков, стрел, изящных
дарственных кифар с серебряными струнами, а также деревянных и терракотовых фигурок
соперников бога по гимнастическим агонам – Марсия, Ареса, Гермеса.

Рядом белела мраморная стела от делегации с Делоса, где, по преданию, родились Апол-
лон и Артемида. Букеты цветов еще не утратили благоухания. Раб старательно разравнивал
лопатой свеженасыпанный гравий.

Батт вместе с капитаном и келейстом направился к Священной роще. На море ты можешь
заниматься чем угодно, однако почтения к святыням никто не отменял. Как ты себя поведешь,
сойдя на берег, так к тебе и отнесутся.

На агоре десятки колесниц упирались оглоблями в вымостку из керамических черепков вперемешку с гравием. В загоне скучал небольшой табун лошадей в ожидании вечерних забегов. Конюхи задавали скакунам корм, подгоняли сбрую, чистили копыта, украшали уздечку лентами.

В святилище Посейдона наксосец нашел заведующего храмовым имуществом – эпитропа, чтобы вручить ему двадцатую часть от ожидаемой выручки за рабов. Поклялся вернуться, если продаст мисийцев дороже. Спутники добавили от себя по паре оболлов.

Потом троица уселась на ступенях храма в ожидании конвоя с корабля. Батт бросил мелкую монету уличному торговцу фисташковой мастикой. Пахучая смола липла к зубам, но сознание приятно задурманилось эфирными маслами.

Вскоре показалась вереница пленных мисийцев, которых пираты подгоняли ударами палок. Рабов повели в сторону поросших соснами холмов, где находился рудник.

На стволах раскорячились прибитые гвоздями тела с глиняной табличкой на шее. Выдавленная надпись «бунтарь» объясняла причину казни. Сидя на голове одного из трупов, ворона отрывала куски полусгнившей плоти. Собака с рычаньем пыталась отгрызть почерневшую ступню. Птица при этом недовольно каркала на соперницу.

Мисийцы ошалело смотрели на останки повстанцев. Ничего хорошего от работы на руднике они не ожидали, но это жуткое зрелище отнимало у них остатки мужества.

Ущелье пересекала просека с торчащими из земли короткими пнями. Глухо стучали топоры, хищно визжали пилы. Лесорубы отсекали ветки, тащили хлысты к дороге, натужно, тяжело, с хриплыми криками укладывали бревна в штабели. С вышки за работой внимательно наблюдал часовой, готовый протрубить в раковину при малейшем неповиновении.

«Поденщики, – лениво подумал Батт. – Рабу топор никто не доверит, потому что они от отчаянья голову теряют. А за спиной у каждого раба надсмотрщика не поставишь... Самая подходящая работа для них – это шурфы долбить, вот и просека для волокуш почти готова, осталось выкорчевать пни».

Среди скал показался лагерь.

Батт окинул его внимательным взглядом. Три бревенчатых барака и караульный дом сколочены из ошкуренных сосновых стволов. Постройки окружает жердяной забор. Площадка между ними хорошо утрамбована, но не изрыта копытами. Да и навоза нигде не видно, значит, это загон не для скота, а для людей.

Пираты позволили мисийцам справить нужду и напиться из меха. Потом заставили сесть в тени пихты. Батт отправился на переговоры с управляющим рудником.

Каменный мегарон в стороне от забора белел свежей штукатуркой. Массивный засов на двери был задвинут. Наксосец загремел кольцом, однако на стук никто не вышел.

Тогда он двинулся к баракам. От глубокого рва несло жуткой вонью. Над застоявшейся жижей мерзко роились мухи. В воздух тяжело поднялся черный гриф. Батт даже отвернулся, чтобы не смотреть, что там, он и так знал...

Загон встретил его тишиной. Грубо сколоченная сторожевая клеть возле ворот пустовала. Наксосец решил, что рабов отвели на копи, значит, в лагере остались только рабыни.

Словно в подтверждение его мыслей хлипкая дверь одного из бараков резко распахнулась. На землю кубарем полетела девчонка. Краснорожий надсмотрщик снова занес ногу для удара, но бить в пустоту не стал. Пьяно пошатываясь, он вывалился во двор.

Рабыня натянула рукой край разорванной эскимиды на грудь и попятилась, быстро перебирая согнутыми ногами. Худющая, ребра можно было пересчитать, на плечах синели кровоподтеки.

Вскочив, она бросилась к высокому забору, словно хотела его перепрыгнуть.

– Куда! – заорал краснорожий, а затем со спокойной уверенностью хищника двинулся за жертвой.

Беглянка упала на колени, понимая, что уйти от преследователя не удастся. Распахнутые от отчаянья глаза смотрели прямо на Батта. Наксосец наблюдал за происходящим спокойно – к таким вещам он давно привык, а страдания раба воспринимал, как страдания животного. Собаку ведь можно бить, тогда почему раба нельзя.

Так она и стояла на коленях, вцепившись руками в поперечный брус. Ее голова безвольно опустилась, плечи дергались от беззвучного обреченного плача.

Внезапно у наксосца защемило сердце: вот так же пять лет назад перед капитаном-навклером афинского сторожевого корабля стояла на коленях другая девчонка, пока самого Батта двое моряков держали за руки. Третий приставил к его горлу нож.

Заставляли смотреть, как ее насилуют, а потом еще глумились над трупом. Брат не смог защитить сестру... Батт сглотнул, но тут же взял себя в руки.

Надсмотрщик остановился рядом с жертвой. Ухмыляясь, замахнулся плетью. От хлесткого удара на голом плече рабыни вздулся рубец. Она дернулась и завывала от боли.

Краснорожий снова замахнулся, однако ударить не успел.

– Стоять! – неожиданно рявкнул Батт.

Надсмотрщик в недоумении уставился на чужака. Еще не хватало, чтобы прохожие горлопаны указывали ему, что делать можно, а чего нельзя. Геометрический узор из меандра и спиралей на руках и шее тоже не говорит ни о чем, кроме того, что этот наглец – эллин.

Потом спросил:

– Ты кто?

– Ты ее продаешь? – задал наксосец ответный вопрос.

– Сука! – прорычал краснорожий, не ответив, и поднял плеть.

Брошенный наксосцем камень больно ударил его в плечо. Надсмотрщик рванулся к забору. Но достать чужака плетью не смог, тогда он в ярости затряс жерди.

– Так с товаром не обращаются, – Батт говорил спокойным уверенным тоном. – Значит, ты не хозяин, иначе берег бы свое добро.

– Хозяин, не хозяин... Какое твое собачье дело! – горячился краснорожий. – Проваливай, пока не навалили!

– Ладно, – уступчиво согласился наксосец, – тогда иди сюда и навалий.

Батт с показной неторопливостью расстегнул портупю.

Отшвырнув плеть, надсмотрщик ринулся к воротам. Отодвинул засов, выскочил наружу. Пошел на чужака с грозной grimасой на лице. Он был уверен: сейчас этот наглец от боли выпучит глаза, как опущенный в кипяток рапан.

Его остановил удар ногой в живот. Но чтобы свалить ветерана, пусть даже сменившего опасное, хотя и почетное место в фаланге на спокойную службу в лагере для рабов, одного пинка мало. Выпрямившись, краснорожий прорычал ругательство, а затем мощно махнул рукой. Лицо от натуги покраснело еще больше.

Наксосец ушел в сторону, но тут же впечатал кулак под ребра надсмотрщику. Тот словно наткнулся на стену – согнулся, прижимая ладонь к боку. Сильный удар в челюсть швырнул его на спину.

На шум из барака выбежали еще двое громил. Бросились на помощь товарищу, однако остановились, увидев за изгородью хмурые рожи пиратов. Наксосцы нагло тарасились на лагерную охрану, демонстративно достав ножи. Да и толстые палки выглядели угрожающе.

Батт надавил подошвой крепиды краснорожему на горло.

– Где управляющий?

– Гелесибий скоро вернется, – глухим от натуги голосом прошипел тот.

– Я подожду, – процедил наксосец. – Как зовут девчонку?

– Фракка, мы так всех фракийских рабынь называем.

– Я ее покупаю... Приведи фракку в порядок, иначе она уйдет по цене овцы... Хозяин тебе этого не простит... Понял?

– Да, – голос надсмотрщика звучал без прежней уверенности.

Когда жгучий шар над морем окутался желтой дымкой, облака скучились и потемнели, а волны из бирюзовых стали темно-синими, со стороны хребта показалась колонна людей.

Рабы, целый день рубившие породу в штольнях, еле передвигали ноги. Руками они придерживали длинный шест с нанизанными на него кольцами цепей, которые тянулись от лодыжек.

Всадники по бокам колонны делали вид, что не замечают, если совсем обессилевший рудокоп начинал шататься. Соседи подхватывали товарища под руки и помогали идти. Останавливаться, а тем более падать нельзя – надсмотрщики оттащат доходягу на обочину, чтобы забить насмерть камнями.

Тяжелее всего приходилось рабам, которые тащили фореион управляющего. Отработав смену, даже не успев отдохнуть, они взваливали на плечи шесты носилок.

Таким было наказание за невыполнение дневной нормы. Если кто-то из них спотыкался, остальные сбивались с шага. Тогда ближайший всадник немилосердно лупил виновника задержки плетью по плечам, по ногам, по голове, куда попало.

В загоне рудокопы повалились прямо на землю. Женщины разносили кувшины с водой, промывали язвы больным, кормили из миски совсем ослабевших. Одного раба надсмотрщики выволокли за забор и сбросили в ров – этот не жилец.

Носильщики остановились перед каменным домом. Из фореиона вылез невысокий человек. Выглядел управляющий как афинский эвпатрид: белоснежный хитон, вьющиеся волосы до плеч, аккуратная борода, сытое надменное лицо.

«Гелесибий», – понял Батт.

Надсмотрщик показал хозяину на чужака.

Тот дружелюбно помахал Батту рукой, приглашая подойти.

Наксосец торговаться не умел, поэтому сошлись на цене в одну мину за человека. Управляющий остался доволен сделкой: с учетом ежедневной прибыли от рудокопа в один обол, новые рабы окупят себя за полтора года. За всех мисийцев Батт получил почти целый талант серебра.

– Хочу забрать фракку, – заявил он.

– Это которую? – Гелесибий явно не понимал, о какой именно рабыне идет речь.

– Вот он знает, – наксосец указал рукой на краснорожего.

– Харес, давай ее сюда! – приказал управляющий.

Вскоре девчонку привели. Она успела помыть лицо, расчесать волосы и переодеться в новую эскомиду – всю в заплатах, но чистую. Стояла перед Гелесибием, не поднимая глаз.

– Мина¹¹, – предложил наксосец.

– Две мины! – категорично заявил управляющий.

– Она этих денег не стоит. – Батт попытался сбить цену.

– Тогда не бери.

Наксосец помолчал, потом махнул рукой:

– Согласен.

5

Батт уселся на швартовочную тумбу.

¹¹ Мина – мера веса и денежная единица в сто драхм.

Вечер разливался по гавани мглистой синевой. Закат опалил бахрому облаков розовым жаром. Смоляной факел ронял на каменные плиты черные капли. В наступивших сумерках звуки портовой сутолоки казались особенно резкими.

Гейкосора терлась боком о размоченный тростниковый кранец. Море с тихим плеском облизывало причал. Брызги стекались в зеленые лужицы на квадратах, от которых пахло водорослями.

По соседству карийцы загружали отару на приземистый лемб. Гроздь винограда в желтом круге на вымпеле давно выцвела, лишь сам круг все еще напоминал о солнце над Доридой.

Овец одну за другой заводили на борт. Животные испуганно блеяли. Моряки ругались, однако продолжали тянуть их по сходням. Наверху капитан перехватывал веревку, чтобы спустить овцу по мосткам в трюм.

Корабль с коринфским вымпелом готовился к утренней погрузке. На причале дожидались своей очереди кипы скрученной в мотки пеньки, бронзовые гвозди в мешках, корзины с брусками вываренного пчелиного воска, кусками строительной смолы, застывшего битума, а также широкогорлые кувшины, наполненные мягким шерстяным воском. Раб капитана устраивался на ночлег рядом с грузом, за сохранность которого отвечал головой.

Наксосец приказал фракийке встать перед ним.

На разговор хозяина с рабыней никто не обращал внимания. Большая часть команды гейкосоры еще не вернулась с ипподрома, где проходило состязание колесниц. Келейст с двумя матросами перебирали такелаж, а рулевой чинил сломанную уключину.

– Койнэ понимаешь? – спросил Батт.

Рабыня кивнула.

– Я знаю твоё имя – Фракка. Так вот... Оно мне не нравится. Буду звать тебя... – наксосец задумался, но почти сразу продолжил: – Я тебя купил, значит, ты теперь Хрисонета – «купленная».

Девчонка не отвечала, лишь таращила на него большие черные глаза.

– Сколько тебе лет? – снова спросил наксосец.

– Пятнадцать, господин, – тихо ответила рабыня.

Он оглядел её худую фигурку: острые плечи, тонкую шею, неразвитую грудь.

– У тебя были мужчины?

Хрисонета кивнула.

Закусив губу, сказала:

– В лагере.

«Значит, все-таки успели, – мрачно подумал Батт и усмехнулся: – А на что я надеялся?»

– Запомни: ты моя собственность, поэтому будешь делать то, что скажу... – он замаялся. – Не бойся... Я много чего плохого совершил... Тебя не обижу и другим в обиду не дам.

Девчонка снова кивнула. Она почему-то верила этому эллину, несмотря на его колючий взгляд. Так на рыбака смотрит барракуда из-под кораллового куста. Хотя прекрасно понимала: гиппокамп хоть и безобидная тварь, но это символ удачи, а удачу может искать и лихой человек.

Батт продолжил расспросы, он хотел знать все:

– Как ты стала рабыней?

Хрисонета откровенно рассказала:

– Я из племени долонков, господин. Мой род жил на Херсонесе Фракийском возле города Пактия, сразу за стеной, построенной Мильтиадом. Все было хорошо, пока с востока не полезли персы... Наши враги апсинты не стали дожидаться армии байварапатиша Мегабаза. А, может быть, выполняли его приказ... Не знаю... В общем, они проломили стену и смяли эллинов. Но сначала разграбили и сожгли деревни долонков. Тех, кто выжил, угнали в рабство.

– А почему ты оказалась на Хиосе?

Хрисонета грустно улыбнулась:

– Сюда свозят военнопленных со всех концов Эгейского моря. Перекупщики рабов не спрашивают, кто ты – враг или союзник. Мы все для эллинов фракийцы, а значит, враги.

– Что умеешь? – допытывался Батт.

– Все, что потребуется, господин... Скоблить и вымачивать шкуры, ткать, работать в огороде, жать ячмень, веять полбу... Тебе понравится, как я готовлю, если, конечно, на твоём острове растут тмин и чабрец.

– Растут, – ухмыльнулся наксосец.

Между кораблями втиснулась рыбацья лодка. Двое хиосцев принялись умело разделять тунца длинными тонкими ножами прямо на квадратах. Затем выкинули голову и требуху в море, посвятив жертву Посейдону. Сидевшие на рее гейкосоры чайки мгновенно сорвались к воде. Птицы не хотели, чтобы добыча доставалась только богу.

Когда на пристани показалась толпа наксосских пиратов, Батт приказал рабыне подняться по сходням. Вскоре корабль огибал мол, вспарывая волны бронзовой кабаньей головой.

Впереди неровно мигал огонек лампы на носу лоцманской лодки. Маяк продолжал выбрасывать в небо последние оранжевые клубы. День Аполлона подходил к концу...

Зиму Батт провел на Наксосу.

Вместе с поделниками подкарауливал купеческие лембы, неосторожно оторвавшиеся от конвоя. Рубился с конкурентами на необитаемых скалистых островах между Наксосу и Паросом. Несмотря на опасность штормов, возил к Делосу горожан, которые щедро платили за покровительство синего пирата.

Да что там плыть-то: утром парус развернул на Наксосу, а в полдень уже свернул его на Делосу. Переночевал в пандоконе для паломников – и в обратный путь. Пока adeпты бьют поклоны Аполлону или Артемиде, есть время принести жертву Посейдону, чтобы позволил спокойно добраться до дома.

Кроме Хрисонеты, в доме наксосца не было других ойкетов. Батт не любил с ними возиться. Кормить, давать поручения и следить за их выполнением. Поощрять, наказывать, вызывать гиеродула из храма Асклепия, если раб заболел.

Он жил в небольшой каменной хижине за крепостной стеной в одиночестве. Отец погиб в море во время шторма еще до того, как родился сын.

Когда флот Дария подошел к острову, мать с трехлетним Баттом на руках и нагруженными на осла пожитками отправилась в горы. Вековые кедры на склоне Зевса казались беженцам надежным укрытием.

Оползень накрыл лагерь после сильного ливня. Сидевший в корзине на спине осла мальчик остался жив, но мать погибла. Сироту выкормил атаман ватаги, с которой отец выходил в море – Аристе́хм.

Батт собирал устриц и мидий на банках, таскал вместе со сверстниками бредень по отмелям, а когда ему исполнилось пятнадцать, Аристе́хм впервые взял его на дело.

В ненастную погоду атаман вывешивал на скалах фонарь в надежде на то, что проплывающие мимо купцы примут его свет за сигнал маяка. После шторма он вместе с Баттом отправлялся прочесывать берег в поисках товаров с разбившегося о рифы корабля.

Однажды они набрали на утопленника в богатой одежде. Аристе́хм уже собрался отрубить труп унизанные перстнями пальцы, как из-за утеса показалась лодка под косым парусом.

В поисках добычи трое паросских пиратов заплыли на чужую территорию. Заметив на берегу мужчину и подростка, они решили, что преимущество на их стороне, поэтому без колебаний прыгнули в мелководье.

Завязалась драка, во время которой Аристе́хм зарубил двоих. Батту пришлось бороться за свою жизнь самостоятельно. Он бросился на третьего пирата, повалил его в воду и в жесткой схватке сумел утопить противника. Вечером атаман выколол на плече юного сообщника протому гиппокампа.

Однажды керкур Аристехма не смог уйти от афинской триеры из конвоя купеческого каравана. Спущенный с кормы боевого корабля тяжелый свинцовый «дельфин» пробил днище.

Атаман утонул вместе с экипажем. Батт занял его место, набрав собственную ватагу головорезов, среди которых были друзья детства – Гринн и Гнесиох...

Домой Батт заходил редко. Только чтобы проверить погреб, где под плитами пола в глиняном кувшине хранилось его накопленное в бандитских рейдах серебро. Хотя прекрасно понимал, что из своих к нему никто не сунется, а чужие здесь не ходят.

После каждого налета он забирал себе только самые ходовые монеты: коринфские «жеребчики» с изображением Пегаса, афинские «совы», с реверса которых таращила большие круглые глаза ночная птица, «черепахи» Эгины, мисийские «кизикины» с бегущим кабаном и львиной головой. Остальное награбленное добро отдавал поделщикам.

Батт постоянно находился в море. Во время вынужденных задержек на суше обедал в харчевне, а спал на набитом соломой тюфяке в трюме керкура. Напивался обычно в диктериионе, где можно и отдохнуть, и переночевать, добавив всего-то пару оболлов.

Только однажды завалился ночью в свою хибару с двумя уличными порняями-египтянками. Спавшая на топчане Хрисонета испуганно закрыла голову овчиной. Пока Батт пьяно возился с девицами, долонка старалась не издать ни звука.

Когда утром он выставил порнай из дома, она метнулась на кухню. Быстро ободрала кочан капусты, вскипятила воду и поднесла хозяину кружку капустного отвара.

Батт таранился на нее спросонья – похмельный, хмурый. Выпив отвар, грубо схватил за бедро, потянул на себя. Она отскочила, протестующе затараторив на родном языке. Потом принесла миску с холодной водой и положила мокрую тряпку ему на лоб.

Через неделю долонка пришла к нему сама. Скинув хитон, юркнула под овчину, прижалась к горячему боку. Он удивленно покосился на нее, но промолчал. А потом навалился сверху.

Хрисонета отдавалась хозяину без притворной страсти, без показного нетерпения. Просто делала свою работу, как доила бы козу, разжигала очаг или молола полбу в ручной мельнице.

Она была благодарна Батту за то, что после Хиоса у нее появилась надежда на сносную человеческую жизнь. Пусть она рабыня в доме пирата, но теперь этот угрюмый немногословный человек – ее единственная защита и опора.

Свободная женщина может нарожать мужу детей, заботиться о нем, проявлять нежность, а у рабыни есть только один способ показать хозяину свою благодарность – добровольно впустить его в себя.

Глава 2

467 год до н. э.

Кипр, Самос

1

Зима закончилась.

Сразу после Праздника цветов в конце антестериона¹² Батт с десятью подельниками отправился на Кипр. В трюме гейкосоры под несколькими слоями промасленной рогожи хранились пятьдесят мешков отборного наждачного песка.

На закате пятого дня плавания показались скалистые Крабьи острова, из-за которых вдруг вынырнула двойная вершина Марионского мыса под шапкой рыхлых облаков. Легкие пиратские керкуры держались на расстоянии, но сопровождали корабль до самого мола.

Гейкосора бросила якорь в гавани Мариона.

Утром Батт расплатился с экипажем, который сразу растворился в причальной сутолоке. До Наксосу морякам придется добираться самостоятельно, теперь их место займут кипрские пираты.

Наксосец с удивлением отметил, что на грузовой дейгме больше людей, чем товаров. Мелькали коричневые лица финикийян, чернокожие эфиопы с ритуальными шрамами на лбу скалили белоснежные зубы, эллины громко переговаривались на койнэ.

Пиратские экипажи в поисках нанимателя скучали на площади перед бараками эмпориев. Играли в кости, бражничали, задирали купцов, щипали за икры загорелых лоточниц.

Побродив со скучающим видом по площади, Батт подошел к одной из ватаг, пираты которой разговаривали друг с другом на неизвестном наксосцу диалекте ханаанского языка.

Равнодушно спросил на койнэ:

– Кто старший?

Поднялся коренастый человек.

– Ну, я...

– Как зовут?

– Джавад... А тебя?

Батт назвалсся. Потом коротко рассказал о деле. Узнав, что плыть до Самоса придется на гейкосоре, главарь засомневался:

– Так нас всего пятнадцать человек, надо либо еще пятерых нанимать, либо покупать рабов.

– Ничего, – отмахнулся Батт, – мы сюда с Наксосу доплыли на десяти веслах. Когда идешь под парусом, весла ни к чему... До Памфилии как-нибудь доберемся, а дальше пойдем вдоль берегов Ликии и Карики. Нам в спину будет дуть ветер с Западного Тавра.

– И что, мы этот кратер так и потащим на корабль у всех на виду? – допытывался финикийнин.

– Зачем... – усмехнулся наксосец. – Разве я похож на придурка. В храм доставим одну чашу, а заберем другую... Давай сейчас не будем обсуждать детали, вы просто должны понимать, что я все продумал... Подробнее объясню на корабле.

– Сколько заплатишь?

¹² Антестерион – месяц афинского календаря, февраль-март.

– Как обычно – драхму в день... Первую выплату сделаю на рейде Самоса. Когда кратер будет на корабле, дополнительно выдам на круг мину серебра. Сколько оставить себе, решай сам, это не мое дело...

– Две мины, – потребовал атаман.

Батт не стал торговаться:

– Хорошо...

Из порта наксосец направился в квартал гончаров. Выбрав мастера, который изготавливал самые большие пифосы, он заказал кратер. Попросил покрасить сосуд под медь.

Потом двинулся на лесопилку. Оговорив необходимое количество пиломатериалов, внес задаток серебром, а оставшуюся сумму обещал погасить наждачным песком.

Пока Батт занимался делами на острове, Хрисонета оставалась на пустующем корабле за хозяйку. От скуки долонка не страдала: заштопала бредень, сплела новый фал, драила все, что может блеснуть. При этом наслаждаясь свободой, свежим ветром, пронзительной синевой над головой и бирюзовой морской далью до самого горизонта.

Когда до Великих Дионисий оставалось десять дней, гейкосора отправилась на север. Под загнутым рыбьим хвостом ахтерштевня на растяжке из ремней была прочно закреплена терракотовая чаша цвета красной меди.

В кильватере следовали два грузовых лемба, нагруженные балками, досками, медными гвоздями, а также плотно скатанным в рулон прямоугольным парусом.

От брызг парусину закрывала огромная бутфорская маска Диониса, сплетенная из камыша. Сваленные в кучу козлиные шкуры воды не боялись, их всегда можно просушить под весенним солнцем. Но воняли они изрядно.

Хрисонета старалась не выходить из рубки. Батт приказал ей не спускать глаз с сундука, в котором хранились деньги. Ему было некогда, он выполнял обязанности капитана, поэтому все время посвящал работе с экипажем.

Но безвылазно сидеть в тесной, обтянутой кожей палубной надстройке у долонки не получалось. Ей приходилось выливать в море помой, набирать из амфоры свежей воды, спускаться в трюм за солониной.

Каждый раз, когда она босыми ногами пробегала по полубаку, пираты жадно таранились на нее и цокали языками. От нападения их останавливал хмурый вид наксосца, который прекрасно умел читать такие взгляды. Батт понимал, что стычки не избежать.

Однажды вечером, когда до Самоса оставался день пути, сильные руки схватили Хрисонету за икры. Джавад стащил долонку по лестнице в трюм и швырнул на свернутые кольцами канаты. Она закричала, но один из пиратов закрыл ей рот рукой, а двое других прижали спиной к бухте.

Джавад уже развязывал пояс, когда сверху на него прыгнул Батт. От толчка финикиянин упал, однако тут же вскочил. Подельник сунул ему в руку нож. Остальные пираты отступили к бортам, чтобы не мешать схватке. Два жоака должны сами решить, кто из них главный.

Батт не стал драться в тесном трюме, где ему могли поставить подножку или ударить сзади по голове. Он быстро вскарабкался по лестнице на полубак. Финикиянин принял его уловку за трусость, поэтому с хищной улыбкой на лице бросился следом.

Соперники закружились по палубе. Джавад сделал выпад, но Батт отскочил. Еще один выпад, и клинок вспорол хитон на груди наксосца. Пираты одобрительно зашумели, подбадривая атамана.

Финикиянин успел достать Батта еще раз. На предплечье наксосца заалел длинный порез. Тогда он резко толкнул ногой деревянную бадью, в которой плавали пойманные сардины. Джавад отпрыгнул, при этом споткнулся о гребную банку.

Он покачнулся, хотя и не упал. Этого мгновения Батту хватило, чтобы сорвать с планширя длинный абордажный багор. Ткнув пирата в грудь комлем, наксосец сразу подсек его под колено крюком.

Джавад рухнул на палубу, при этом выпустил из руки нож, который отлетел в сторону. Атаман встал на четвереньки, чтобы подняться, но Батт успел взять удушающий захват. Когда тело пирата обмякло, он обмотал вокруг его шеи конец свободного шкота.

Потом перевалил Джавада через планширь и сбросил за борт. Мертвый атаман повис на канате, цепляя босыми ступнями бегущие от носа корабля буруны и ударяясь то плечом, то головой о доски обшивки. Чайки суетились над трупом с резкими криками.

Подобрав с палубы нож, Батт встал перед лестницей. Окинул взглядом трюм. Присмиревшие пираты смотрели на него исподлобья. Они не ожидали от наксосца такого упорства и такой жестокости.

– Не советую выбирать нового атамана, с ним будет то же самое, – заявил Батт, – потому что два медведя никогда не уживутся в одной берлоге... Или признавайте меня атаманом, или сходите на берег на Самосе... Но вас там не ждут... На бунт не надейтесь, моя ватага знает, куда я поплыл. Если вы вернетесь на Кипр без меня, они выяснят, что случилось, и отомстят... Свое слово я сдержу – награду за чашу вы получите, так что в наших общих интересах довести дело до конца... По рукам?

Сначала согласились эфиопы. Появившись больше для вида, к ним присоединились финикияне. Батт пожал каждому запястье в знак примирения.

Потом сказал, обращаясь ко всем сразу:

– Хрисонета – моя рабыня, и только моя, ни с кем делить ее я не буду... До Самоса осталось всего ничего, так что потерпите. Оторветесь на Великие Дионисии... Вы не эллины, поэтому не обязаны чтить наших богов и участвовать в ритуалах... Но на празднике будет столько эллинок, что никто из вас не останется в одиночестве.

Караван встал на якорь в безлюдной Скалистой бухте. Батт на обтянутой кожей лодке сплавал к лембам, чтобы сообщить пиратам о смерти Джавада. На дне ялика лежала амфора с вином для поминального возлияния.

За два дня до начала праздника экипажи вытащили корабли на песок, после чего приступили к разгрузке. Вскоре застучали топоры, завизжали пилы. Киприоты готовились к похищению медного кратера.

2

Накануне Великих Дионисий Геродот, наконец, познакомился с сестрой Херила.

Он видел саммеотку и раньше. Она подходила к Иоле или Дрио, интересовалась, не нужна ли помощь, потом ставила на пол корзину с припасами и осторожно брала маленькую дочь Иолы на руки.

Вернув девочку матери, кивала Геродоту и братьям, но тут же быстрыми шагами направлялась во флигель, где находились кладовые фиаса Диониса. За всю зиму он так ни разу с ней и не поговорил.

В этот раз она, похоже, никуда не спешила. Пухлая девушка на вид чуть младше Геродота, с собранными на шее в тяжелый коримбос волосами, голубыми глазами и трогательными ямочками на щеках держала в руках узелок.

– Меня зовут Поликрита, – сказала саммеотка, посмотрев на галикарнасца так, будто была готова вот-вот рассмеяться.

Но не рассмеялась, зато глаза продолжали лучиться теплым светом.

– Я знаю, – смущенно пробормотал Геродот.

Поликрита протянула ему узелок. Развернув кусок холстины, он взял в руки покрытую аппетитной корочкой ячменную буханку с поперечными надрезами. Ладонями почувствовал нутряное тепло, а когда вдохнул сытный хлебный дух, то непроизвольно сглотнул.

Женщины внимательно разглядывали хлеб.

– Закваску из чего делала? – заинтересованно спросила Дрио.

Саммеотка пожала плечами:

– Ячменная мука, вода, соль, мед, оливковое масло, дрожжи... Ну, еще немного цельнозерновой пшеничной муки.

Дрио кивнула – рецепт классический. Потом принесла две миски, одну с оливковым маслом, другую с маслинами. Отломив от буханки горбушку, Геродот пустил хлеб по кругу.

Поликрита от своего ломтя отказалась.

– У меня пост, – сказала она.

– Какой? – спросила Дрио.

– Строгий... Перед хороводами, – туманно объяснила саммеотка. – Можно только пить воду.

– Ты замужем? – поинтересовалась Иола.

Тут Поликрита, наконец, рассмеялась:

– Пока нет... Да и вряд ли найдется такой сумасброд, который меня возьмет.

– Почему? – удивилась Иола. – Ты хорошенькая.

Саммеотка благодарно улыбнулась.

Потом с готовностью объяснила:

– Я состою в обществе трагедов Диониса... На праздниках в честь Диониса мы наряжаемся его свитой: мужчины селенами и сатирами, а женщины – нимфами, вакханками, менадами... Дионис – страдающий от безумия бог, поэтому сами понимаете: приходится участвовать в дионисийском буйстве. Мы вводим себя в экстаз, чтобы дать волю чувствам, которые, как мы считаем, испытывал сам бог... Потом, конечно, ничего не помним. Но холостые мужчины, которые видели трагедов в таком состоянии, после праздника нас чураются. Вот так и проходят год за годом... Даже не знаю, смогу ли когда-нибудь создать семью, завести детей... Тот, кто хоть раз сумел освободиться от оков повседневности, чтобы принять участие в священной вакханалии, не сможет бросить это занятие... От обычной жизни ему становится тошно.

Дрио с Иолой переглянулись. В детстве они слышали историю о том, как титаны похитили маленького Диониса, разорвали на куски и сожрали. Но Зевс сжег титанов молнией, после чего вдохнул жизнь в пепел, из которого появились первые люди.

Отец Дрио, Полиарх, рассказывал, что в каждом человеке есть частичка как титанов, так и Диониса, двух разных начал – разрушительного и созидательного, которые вступают в противоречие, поэтому нечего удивляться, если мужчины и женщины иногда теряют рассудок.

– Вообще-то тебе шестнадцать, пора бы уже, – вмешался в разговор Херил.

– Успеется, – беспечно отмахнулась Поликрита.

Геродот не удержался:

– А правда, что менады разрывают зубами живых зверей? Диониса ведь не зря называют Оместис – пожиратель сырого мяса... Значит, и менады – тоже омофаги.

Саммеотка снова засмеялась:

– Конечно, нет... Ты сам попробуй укусить свежую баранью голень или лопатку. Зубы не сломаешь, но рвать будет трудно. Так откушенный кусок еще и проглотить надо. Сырое мясо, сырая кровь... Тут уж точно вырвет. А у живой лани еще и шкуру прокусить надо. Про медведя я уже не говорю... Это все Эврипид придумал в своих «Вакханках», чтобы нагнать жути. Хотя жертвы мы тоже приносим – овцу или свинью, козла, кроликов... Таких животных,

которых в горы легко загнать или затащить на руках... Если архонт раскошелится, можно и телку забить... Сжигаем только то, что нельзя пожарить и съесть. В лесу ночью аппетит волчий.

Она шутливо клянула зубами.

– Но вино во время вакханалии точно рекой льется, – заметила Дрио.

– Верно, – согласилась Поликрита без тени смущения. – Дорога к буйству уставлена кубками с вином. На этой дороге гремит музыка, звучат восторженные песни, а ноги отбивают бешеный ритм пляски... Вино опьяняет, освобождая темные силы, которые есть в каждом человеке, при этом очищает, омывает душу... В экстазе дозволено все, поэтому трагед может плакать, а может смеяться. Может скорбеть о тленности жизни, об осеннем увядании природы, а может радоваться ее весеннему пробуждению и избытку сил в своем теле...

– Так Дионис вам является? – с замиранием в голосе спросил Геродот.

Поликрита решила подыграть:

– А то! Но его ведь так просто не распознаешь... Он в каком угодно образе может явиться – быка, льва, змеи, кабана... Или медведя. Тут уж лучше сбежать, потому что вдруг медведь не Дионис, а... медведь. Или обернется красивой девушкой... Вот ты сейчас со мной разговариваешь, а ты уверен, что я – это я?

Она насмешливо посмотрела на галикарнасца. Тот потупился, однако про себя подумал: «Эта саммеотка знает себе цену». Дрио с Иолой непринужденно рассмеялись.

– В Галикарнасе карийцы приносят бескровные жертвы Дионису. Все проходит чинно и без буйства... Хотя есть в Карии одно место, про которое говорят, будто там даже человеческие жертвоприношения совершаются – Солимские горы... Туда весной лучше не соваться... – сказала Иола, сморщив носик.

Потом спросила:

– Так в чем смысл дионисийского безумства?

Поликрита ответила не сразу:

– Вокруг столько несчастий: неурожай, войны, болезни, бури... Человек слаб, поэтому душа замирает от ужаса перед могуществом богов. Содрогаясь, она преображается... Но это происходит через исступление. Мы достигаем блаженного восторга благодаря опьянению. Вакханка перестает быть собой... В каждой из нас бушует пламя Диониса. Вместо того, чтобы ходить, мы скачем. Не говорим, но выражаем себя через пляску... Во время праздника женщины Самоса вырываются из своих мрачных гинекеев, чтобы объединиться ради Диониса... Это единство не только друг с другом, но также с самой природой... Ведь Дионис – это вечно растерзываемый и вечно воскресающий бог. Так же, как природа каждый год то увядает, то возрождается... С окончанием зимы заканчивается власть Диониса, тогда в силу вступает светоносный Аполлон. Именно поэтому Великие Дионисии справляются ранней весной... И лучшего места, чем Керкетеусские горы, не найти.

– Почему? – спросил Геродот.

– Потому что в горах нам никто не мешает... Мы зажигаем костры, жарим мясо, пьем вино... Спим в шалашах на лапнике, набросав сверху овчин.

– Только женщины? – голос Дрио прозвучал вкрадчиво.

Поликрита покраснела.

Однако тут же тряхнула головой и с вызовом сказала:

– К нам в шалаши приходят сатиры... Кто хочет, гуляет с ними до утра. Свобода в эту ночь должна быть во всем, иначе какая же это вакханалия. Мужья остаются дома с детьми... Про незамужних девушек и говорить нечего, они имеют на это полное право... Дионис свободен – и мы свободны.

– И что, все вакханки участвуют в оргиях? – продолжала расспрашивать Дрио.

Казалось, Поликрита начинает терять терпение.

– Я же говорю: кто хочет, – уже с раздражением сказала она.

Но тут же взяла себя в руки. Галикарнасцы не виноваты в том, что плохо разбираются в ритуалах Диониса.

– У нас есть сообщества, – объяснила саммеотка. – Каждое сообщество объединяет девушек и женщин по интересам... Например, в кружок нимфы Меты входят те, кто любит выпить. Вот они в основном с сатирами и водятся. Поклоняются меты Дионису Ойносу – Дарующему вино, Дионису Лисию – Освободителю и Дионису Никтелию – Ночному... В кружок богини Хариты входят самые красивые вакханки. Мы в основном пляшем вокруг корабля Диониса... Я, кстати, в него не только вхожу, но и возглавляю... Хариты поклоняются Дионису Мельпомену – Ведущему хороводы, а также божественному фаллосу – Дионису Орфосу...

Саммеотка снова покраснела.

Потом продолжила:

– А еще на Самосе есть кружок оры Эйрене, богини мира, в котором состоят матери и даже пожилые матроны. Они из нас самые спокойные, поэтому отвечают за ритуальное имущество: тирсы, амфоры с вином, фруктовые корзины, музыкальные инструменты, жертвенных животных... Поклоняются эйрены Дионису Исодету – Равномерно делящему и Дионису Киссу – Дарующему плющ... Все вместе мы поклоняемся Дионису Вакхию – Предводителю вакханок...

– Но ведь у Диониса в спутниках не только люди... Еще тигры, львы и леопарды, – заметила Иола. – Где вы их берете?

– Нигде, – саммеотка даже удивилась. – Роль диких животных исполняют трагеды-мужчины. Нахлобучат бутифорскую голову для сходства и рычат, очень даже натурально... Львы на Самосе есть, только дрессированный лев не подходит для ночных гуляний в лесу, вот для цирка – в самый раз... А леопарды или тигры тут отродясь не водились... Да мы вообще все будем одеты в шкуры. Ночью, в темноте, в свалке и не поймешь, кто человек, а кто хищник...

– Где будет проходить торжественная часть? – поинтересовалась Дрио.

– Здесь, на теменосе Герайона, перед алтарем Диониса... Сначала состоится возлияние, потом Отец фиаса принесет очистительные жертвы, а сама вакханалия начнется ближе к вечеру.

– Корабль у вас тоже будет? – Геродот решил показать свою осведомленность в тонкостях ритуала поклонения варварскому богу...

С тех пор как афинский тиран Писистрат учредил Великие Дионисии, этот весенний праздник постепенно набирал силу в Элладе, однако олимпийцем Дионис так и не стал.

В Галикарнасе эллинская знать из зажиточного левобережья залива Керамик почитала Аполлона и Зевса, сохранив верность архаичным традициям Аттики. В то время как бедняки карийской Салмакиды поклонялись азиатскому Гремящему богу Дионису.

Рыбаков и земледельцев привлекал в этом празднике бесшабашный кутеж, когда во время вакханалии можно было под шумок разграбить богатую усадьбу или завалить на тракте беспечного купца.

Аристократы взирали на дионисийское шествие с балюстрад своих вилл, презрительно скривив губы. Мимо катилась пьяная толпа, потерявшая в пьяном угаре человеческий облик. Помпэ направлялось к Верхнему Акрополю.

Корабль Диониса плыл по морю из голов, а с вершины мачты на своих подданных взирал Дваждырожденный, Быкоподобный и Женоподобный. Ойкеты сжимали в руках дубины, готовые броситься на первого же опившегося карийца, который посягнет на имущество или здоровье хозяина и его семьи...

– Конечно, – саммеотка удивилась вопросу. – Как же без него... Только в этом году корабль будет с Кипра. К нашему Верховному дадуку, Коккалу, пришел капитан кипрской гей-косоры, чтобы предложить свои услуги... Он пообещал, что на постройку и украшение корабля

не возьмет с фиаса ни единого обола... Так еще и сам сделал подношение Дионису вином и деньгами. Попросил только об одной услуге...

Поликрита сделала паузу, чтобы глотнуть воды из кувшина.

Потом продолжила:

– Так вот... Он сказал, что жрецы Кипра попросили его привезти жертвенной крови козлов, которых заколют на алтаре Диониса во время праздника. Даже специально для этого изготовили чашу, освятили ее, обмазав оливковым маслом перед статуей бога, а потом три ночи подряд водили вокруг нее хороводы в храме и пели дифирамбы.

– И что Коккал? – спросил Геродот.

– Пообещал подумать... После чего поговорил с Матерью фиаса Геры, Метримотой. В общем, они решили согласиться, хотя и удивились: кровь за время плавания до Кипра успеет испортиться. Но если ее смешать с уксусом и морской водой и не держать на солнце, то гнилостного запаха долго не будет... Только пусть киприоты в обмен на жертвенную кровь пришлют Герайону кипарисовую древесину для отделки адитона. А то, что корабль приплыл с Кипра, так это даже хорошо, потому что он прикатится на теменос прямо из морской стихии...

Поликрита вдруг заторопилась:

– Ой! Мне бежать надо... Еще столько дел надо успеть.

– Мы с тобой после праздника увидимся? – спросил Геродот, смутившись от такого откровенного вопроса.

За время разговора с саммеоткой он понял, что она ему нравится.

Поликрита сверкнула улыбкой, при этом ямочки на скулах стали еще заметнее:

– Обязательно! Мы с Херилом решили, что вам пора переехать к нам. Хватит вам уже прятаться в Герайоне... Батта архонт выгнал с острова, так что вам нечего опасаться... Мы освободили для вас родительскую комнату. В ней тепло, но тесновато, зато не надо будет спать всем вместе вповалку на ворохе тряпья, чтобы не мерзнуть... И готовить на всех сразу удобнее.

Галикарнасцы с воодушевлением восприняли это известие. Они уже знали, что Поликрита вместе с братом и младшей сестрой живет без родителей.

Отец утонул в путину, а мать вскоре умерла от лихорадки. Теперь Херил был в семье за хозяина-куриоса. По закону он опекал сестер, поэтому его слово решало все.

Лишь Иола грустно улыбнулась. Вдове Паниасида предстояло принести клятву верности Гере в день Пандий, после чего ее жизнь будет навсегда связана с Герайоном.

Обернувшись на ходу, саммеотка бросила:

– Мы и на празднике увидимся... Я буду изображать супругу Диониса – Ариадну.

3

Грянул весенний праздник Великих Дионисий.

Еще до рассвета к теменосу Герайона со всех сторон стекались жители Самоса. На каждом доме островного полиса появились раскрашенные маски бога вакхического безумия и цветочные гирлянды.

Вскоре возле арки теменоса собралась толпа, пестревшая разноцветными гиматиями. В утреннем сумраке ярко пылали факелы. Раздавались дробные удары тимпанов, звон тамбуринов, затейливые переливы флейт, нежные всхлипы лир...

Женщины держали в руках виноградные лозы, а на голову возложили венки из фиалок или плюща. Мужчины повесили себе на шею гирлянды из листьев аканта и тмина.

Адепты Диониса скандировали: «Бромиос! Вакх! Эвоэ!» Особо нетерпеливые уже пускали по рукам мехи с вином. Зазвучало мелодичное женское пение, подхваченное десятками голосов. Кто-то пустился в пляс, вокруг солиста тут же образовался круг, в который один за другим врывались нетерпеливые танцоры.

Парни выхватывали девушек и скакали с ними в обнимку, сдвинув на затылок широкополый петас. Солистки кружились, свободно выбрасывая руки в стороны. Мелькали крепкие голые икры. Пятки отбивали по вымостке бешеный ритм.

Сквозь толпу провели жертвенных козлов. С рогов животных свисали ленты и цветочные гирлянды, на шее бренчали колокольчики. Черная шерсть на боках была тщательно расчесана.

Козлов завели в загон, пристроенный к стене теменоса. Пока пастух скучал снаружи, младшие жрицы проверяли животных, выискивая в них изъяны: светлые пятна на шкуре, хромоту, обломанные рога, язвы на крыльях носа... Негодных для жертвоприношения козлов выгоняли за изгородь.

Все ждали появления корабля Диониса, вместе с которым должны прибыть трагеды. Тогда начнется самая захватывающая часть праздника, праздничное помпэ.

Про грядущую ночную вакханалию говорили не таясь, при этом в голосе звучала тревога. Женщины, которые не были ленами Диониса, осуждали распушенность вакханок, не особенно вдаваясь в их иерархию. Мужчины опасались неизбежных стычек с распоясавшимися сатирами и возможного кровопролития.

«Едет!» – заорал вдруг какой-то мальчишка. И тотчас по толпе пронесся радостный шелест: «Дионис! Дионис плывет!» Все дружно обернулись в сторону Самосского пролива.

По Священному пути, который иначе именовался Портовой улицей, к храму медленно двигался поставленный на деревянные колеса корабль. Каменные юноши-курсы и девушки-курсы вытянулись по обочинам с выражением сосредоточенного внимания на лицах.

Четыре быка тянули тросы, опустив головы к земле. Рассветное солнце издали тянулось к белому парусу, придавая ему розоватый оттенок. За кораблем тянулся шлейф благовонного дыма курильниц.

В пустых глазницах Диониса на фоне быстро светлеющего неба проплывали обрывки облаков, будто бог двигал в задумчивости зрачками. Увитая плющом рыбацья сеть длинной спутанной бородой спускалась на палубу.

На носу корабля стояла Поликрита в белоснежном хитоне и с золотой диадемой на голове в образе Ариадны. Одной рукой саммеотка держалась за канат, другой опиралась на увенчанный сосновой шишкой тирс.

За ее спиной к основанию мачты была привязана глиняная чаша. По накинутой сверху холстине рассыпались вытканые созвездия как символ ночного дионисийского бдения.

Одетые в козлиные шкуры пираты старательно бесновались. Черная шерсть, измазанные сажей лица – так сразу и не скажешь, кто здесь эллин или финикиянин, а кто эфиоп.

Менады в коротких хитонах сновали между сатирами, размахивая жгутами соломы. Они то и дело подсакивали друг к другу, шутливо мерились бутафорскими фаллосами, а потом снова с хохотом разбегались.

Меты держали в руках мехи с вином, глиняные кружки-хои и бронзовые канфары, предлагая выпить всем желающим. Вино било струей в сосуды, стекало по пальцам, брызги летели на одежду, падали в пыль.

Хариты несли на голове корзины с сушеными смоквами, виноградом, гранатами, коробочками снотворного мака, прижимали к бокам перевязанные лентами охапки сосновых лап и лианы плюща.

Одни эйрены играли на лирах, дули в авлосы, трещали кроталами. Другие раздавали участникам процессии хлебцы, намазанные острым соусом для возбуждения жажды.

Две вакханки в лисьих шкурах были увешаны живыми извивающимися змеями. Они то и дело хватали гадов под разинутые пасти и делали резкие движения в сторону зевак, имитируя нападение. Саммеоты в испуге отшатывались, а сатиры нагло хохотали.

Грохот тимпанов, бряцанье кимвалов, взвизги флейт, нестройное громкое пение, в пьяном угаре переходящее в беспорядочные стоны и крики – весь этот оглушительный гвалт вне-

запно, как по команде, обрывался. И над Портовой улицей повисала гнетущая тишина, чтобы спустя несколько мгновений снова взорваться.

Батт в маске силена, с накладной бородой до пояса ехал на осле перед кораблем. Сквозь прорези для глаз пират внимательно смотрел по сторонам, выбирая момент для выгрузки чаши.

Поравнявшись с Герайоном, корабль остановился. Главы ремесленных коллегий встали во главе делегаций, которым было поручено возложить бескровные жертвы к алтарю Диониса. Держа в руках жезлы, увенчанные фигурками богов профессии, они направились к арке.

За магистратами следовали девушки с корзинами. Поставив ношу у алтаря, они присоединялись к хору. Над теменосом разливались торжественные звуки гимна Дионису.

Сатиры вскарабкались на палубу по веревочным лестницам. Обмотав чашу канатами, осторожно спустили ее на землю. Затем подсунули под основание доски, подняли их на плечи и пронесли кратер сквозь арку на теменос.

Несколько человек шли по бокам кратера, придерживая его руками. Перед периантериями процессии пришлось остановиться, чтобы окропить ноги освященной водой.

Корабль отправился дальше. Крики возбужденной толпы, завывания вакханок, глумливый хохот сатиров, скрип колес и бешеные звуки музыки постепенно затихали по мере того, как помпэ удалялось от теменоса. Зато со стороны храма отчетливо слышалось хоровое пение.

Возле алтаря Диониса дадуки безумного бога вместе со жрицами Геры готовились к жертвоприношению. По потемневшему от времени известняковому цоколю бежали вырезанные рельефы в виде извивающейся гирлянды плюща, букраниев, козлиных морд и виноградных гроздьев.

На стоящем рядом с алтарем длинном мраморном столе были разложены ритуальные атрибуты: связки щепы, молот, серповидные ножи, разделочные топоры, вертела...

Здесь же находились аскос с оливковым маслом, большой серебряный сфагион для сбора жертвенной крови, а также блюдо с пирожками, чаша поджаренных зерен ячменя и ойнохоя с ключевой водой, которой перед началом торжества дадуки окропили алтарь, а вместе с ним себя самих и жертвенных козлов.

На алтаре разгорался священный костер. Дым пах печеным хлебом, кипарисом и благоуханиями. Стоявшая рядом гиеродула то и дело наливала из аскоса в черпак оливковое масло, после чего плескала его в огонь. Пламя благодарно взвивалось, дрова потрескивали.

Киприоты опустили чашу на землю рядом с жертвенным столом, шербатым и потемневшим от крови. Сдернув с нее покрывало, они почтительно встали рядом.

В черных шкурах, с загнутыми назад рогами сатиры казались поднявшимися на дыбы жертвенными козлами. Батт так и остался неузнанным.

Сначала Коккал высоким голосом восславил Зевса и Геру. Последние строфы жрецы и жрицы обоих фиасов пропели вместе. Потом Коккал затянул дифирамб в честь Диониса. Все присутствующие, включая жриц Геры, почтительно слушали.

– Призывайте бога! Призывайте бога! – внезапно воззвал он.

– Приди, сын Семелы! – вторили ему дадуки. – Приди, Бассарей! Восстань из вод Лернейского моря!

Словно внимая этому страстному воплю, огромная маска на мачте корабля начала раскачиваться. Облака быстрее побежали в глазницах бога. Борода завозила по палубе, казалось, это не ветер играет сетью, а Дионис поворачивает лицо.

После тройного возлияния вином Коккал приступил к обряду жертвоприношения. Козлов подвели к алтарю по одному. Дадуки в это время исполняли торжественную песню-прозодию под переливы авлосов.

Голову каждой жертвы посыпали ячменными зернами. Следующую горсть Коккал бросал в огонь. Срезав с головы животного клочок шерсти, Верховный дадук тоже предавал ее пламени костра.

Один из дадуков вливал козлу в ухо воду, чтобы дожидаться кивка согласия. Потом, глядя жертве в глаза, Коккал бил ее молотом в лоб. Козел валялся на землю, как подкошенный.

Тогда один из жрецов переворачивал козла на живот, а другой загибал голову жертвы вверх. Верховный дадук резким движением перерезал козлу горло.

В этот момент дадуки и жрицы резко вскрикивали: «Ололигмос!», чтобы заглушить предсмертный крик животного. Прославляющий бога хор совершал однообразные ритмические движения, двигаясь вокруг алтаря то в одну, то в другую сторону.

Младший дадук собирал бившую из шеи жертвы кровь в сфагион, после чего передавал сосуд Коккалу. Выплеснув половину на алтарь, тот выливал остальное в кратер киприотов.

Затем мертвого козла укладывали на жертвенный стол. Гаруспик в алом хитоне вспарывал жертве живот. Вскоре его руки были по плечи в крови, одежда намокла и облепила ноги.

На столе росла гряда внутренностей, а на земле рядом с ним – куча шкур. Только один раз гаруспик вытянул перед собой открытые ладони, на которых лежали печень и селезенка:

«Селезенка увеличена, печень темная... – заявил он. – Козел болен!»

Метримота согласно закивала, ей не понравилось, что жертва перед убиением заупрямилась подходить к алтарю. Хорошо еще, что не вырвалась из рук дадука – вот был бы скандал.

Тушу выбракованного козла гиеродулы крюками поволокли к выходу и выкинули за теменос. Ее тут же с радостными воплями утащили дежурившие возле арки нищие.

Дадуки свалили внутренности на большие медные сковороды. Затем теми же крюками выкатили из кострища раскаленные булыжники. Вскоре масло заискрилось, а над теменосом поплыл запах жаркого.

После того как жрецы, обжигаясь и дуя на дымящиеся куски, съели потроха без остатка, они приступили к разделке туш. Топоры поднимались и опускались, брызгала кровь, бурыми пятнами оседая на одежде. По мраморной столешнице текли темные струи. Во все стороны летели осколки костей. Потемневший песок под ногами превратился в кашу.

Срезав с костей мясо, дадуки торжественно побросали копыта, жир и кости в огонь жертвенного костра. Туда же полетело ритуальное печенье вместе с щепой. В чадающем вонючем дыму слезились глаза, дрова постреливали от капающего жира, белые ребра в огне стремительно чернели.

Вскоре мясо жертв было порублено, посыпано солью и обжарено на вертелах. Ели все, кто присутствовал на церемонии. Сатиров, как посланцев Кипра, тоже пригласили к пиршеству. Гиеродулы разлили по канфарам неразбавленное красное вино, которое киприоты доставили с гейкосоры Батта.

Пропев заключительный дифирамб Дионису, дадуки покинули теменос. Жрицы Геры удалились в Герайон. На этом ритуал закончился, но праздник продолжался.

Этот день будет проведен островитянами в песнях, плясках и неумеренном потреблении вина. А вечером вакханки уйдут в горы, чтобы среди темных урочищ, в чаще леса или на дне глубоких ущелий предаться дионисийскому безумию.

Заглянув в кратер, накосец удовлетворенно кивнул. Потом приказал накинуть на него покрывало с созвездиями.

– Сейчас заберете? – поинтересовалась Метримота, которая решила дождаться, когда киприоты унесут с теменоса чашу с жертвенной кровью.

– Нет, – Батт покачал головой. – Корабль Диониса должен прокатиться по всему острову, так что забрать успеем... Пусть постоит здесь до утра.

Он переглянулся с сатирами.

Возбужденные горожане разбрелись по ярусам. Дети бежали первыми, выбирая лучшие места по своему вкусу. Женщины опускали на каменный пол театрона корзины с дарами, потом разворачивали свертки с закусками. Мужчины откупоривали мехи с молодым вином.

Батт сидел на камне за орхестрой. Наксосец рассеянно наблюдал, как плотники укладывают перед сеной сосновые балки, чтобы построить помост для трагических и комедийных хоров.

От застывшего в зените солнца накатывал жар. Быки безмятежно давили черными тушами пыль. Корабль замер, словно сам бог утомился за день. По синим бездонным глазницам Диониса пробежала рябь перистых облаков, а борода едва колыхалась, когда ее задевал легкий морской бриз.

Поликрита тихо полулежала в отбрасываемой парусом тени, прислонив тирс к мачте и обмахиваясь веером. Менады, все еще пьяные, потихоньку расходились по домам, чтобы хоть немного отдохнуть перед ночной вакханалией.

Сатиры уже вели себя скромнее. Они больше не прыгали как полоумные, а разбрелись по фиштакковой роще. Одни улеглись отсыпаться в траву, другие обнимались с покладистыми саммеотками. То и дело кто-либо из пиратов подходил к Батту, чтобы шепотом поинтересоваться, не пора ли отправляться на дело.

Тем временем архонты, магистраты и главы коллегий расселись с семьями в престижных ложах проэдрии. Дадуки заняли почетные места у самого парапета, так как им предстояло надзирать за церемонией возложения бескровных жертв на фимелу – алтарь Диониса в центре орхестры.

Зарезав молочного поросенка, жрец-перистиарх провел обряд очищения театра, не забыв окропить кровью и почетных гостей. Вслед за этим глашатай обошел орхестру, помахивая кадиллом.

Когда стихло эхо пламенных гимнов, все желающие возложили к фимеле домашние дары. Архонты отблагодарили лавровыми венками приезжих благотворителей, после чего должностные лица покинули ложи, чтобы отправиться на торжественный обед в пританей.

Теперь орхестрой завладели любительские хоры. Под стук топоров и молотков по театру разносилось стройное многоголосое пение. Пока спонсоры-хореги дремали, развалившись на каменных скамьях, учителя-хородидаскалы натаскивали хоровтов к вечернему мусическому агону.

Подкрались сумерки.

Праздник с пыльных, раскаленных жадным весенним солнцем улиц переместился в дома горожан. Каменный Гермес с курчавой головой и торчащим членом провожал горожан испытующим взглядом на перекрестках.

Из стеновых ниш дороги внимательно обозревала трехликая Геката. Боги на фризах и тимпанах храмов ждали ночной прохлады. По их равнодушным каменным лицам лишь пробежала тень улыбки.

Богачи отправились на симпозию, где продолжали глушить отменное самосское вино. Закусить каждый успел в фореяне, пока его несли к приятелю ойкету. Захмелев, гуляки сначала разнузданно плясали, а потом требовали флейтисток, которых лапали пальцами в перстнях.

Ремесленники и рыбаки предвкушали сытный домашний обед за семейным столом. Скинув сандалии, матроны вместе со старшими дочерьми таскали в прохладный тенистый сад миски с жареным палтусом или мидиями под чесночным соусом, плоские лепешки с маринованными оливками, а также противни, на которых под промасленной тканью томились пирожки и булочки с изюмом из припасенной для особого случая пшеничной муки.

Наконец, Батт подозвал подручного – финикиянина Гариба:

– Собирай всех... Пора ехать к Герайону.

Раздался свист, после которого к кораблю Диониса как муравьи на пададь ринулись одуревшие от скуки пираты. Растерявшиеся саммеотки, разнеженные и разморенные дневной духотой, застегивали фибулы на плечах. Они разочарованно махали рукой на внезапно сбежавшего ухажера, бросая ему вслед ругательства.

Солнце предательски спряталось за гору Амвел. Когда Асклепий протянул к краю неба извивающуюся змею, Диоскуры угрожающе замахнулись на соседние звезды плетью и дубиной, а Лев зарычал, подняв левую лапу над горизонтом, корабль Диониса снова подкатил к храму.

Над склонами хребта Цирцеи стояло смутное зарево от десятков горящих костров – вакханки приступили к жертвоприношениям, за которыми последует оргия.

Уставшие быки, опустив морды, нюхали землю. Коричневый хруст с тяжелым гудением ввинтился в воздух. Летучие мыши металась в сумраке над колючими кустами фриганы. Ястреб сорвался с пинии, накрыв лапами беспечную полевку. Дионис спал, и его глаза были черными, как сама ночь.

Киприоты во главе с Баттом прокрались на теменос. Вскинувшемуся было с земли нищего уложили на место ударом по голове. Увидев, что двое сатиров встали по бокам арки с дубинами, бродяги поворчали, но предпочли не вмешиваться.

В чернильном небе блестела монета луны на мутной подложке. На желтоватой травертиновой стене Герайона дрожали факельные отсветы. Колонны отбрасывали по квадратам зыбкие тени. Казалось, даже курсы с корами замерли в тревожном ожидании.

В центре теменоса темной глыбой раскорячился кратер киприотов. Сатиры обступили силена.

– Идите в храм, – приказал Батт. – Тащите сюда медную чашу.

– А эту куда? – спросил Гариб.

– На замену.

– Что делать, если нам помешают?

Батт поморщился, ему меньше всего хотелось проливать в храме кровь. Но грабежа без насилия не бывает.

Пришлось принять неприятное, хотя и неизбежное решение:

– Валите любого... Только Метримоу не трогайте. Рабов ночью в храме быть не должно. Они ночуют в эргастуле, если подпереть снаружи дверь, никто не выскочит.

Гариб отдал распоряжение. Двое сатиров уперли крепкую балку в косяк каменного сарая. Затем молча встали рядом. Остальные взбежали по ступеням и скрылись в храме.

Батт остался ждать под лестницей. Изнутри не доносилось ни звука, однако он понимал, что тишина обманчива. В такую ночь обитатели храма вряд ли улягутся спать рано.

Внезапно в пронаосе заметались отсветы факелов, послышались встревоженные женские голоса, прерванные громким окриком Гариба: «Всем на пол!»

Вскоре показалась фигура финикиянина. Сбежав по ступеням, он подошел к Батту.

– Там их две... Какую брать?

Наксосец оторопел. О том, что в храме находятся два медных кратера, он не знал.

– Опиши! – приказал Батт.

– Одна как большая тыква на круглой подставке, у второй опора в виде трех фигур и головы грифонов по ободу, – сказал Гариб.

Увидев замешательство на лице наксосца, добавил:

– Да ты сам иди и посмотри.

– Не могу! – процедил Батт. – Мне туда нельзя.

– Ты и так уже на теменосе, – усмехнулся Гариб. – Считай, что в храме... Думаешь, тебе это простят?

– Не твое дело! – рявкнул наксосец.

Он заходил по каменным квадратам, стиснув зубы в бессильной злобе.

Вдруг подумал: «А если забрать обе?»

Но тут же отказался от этой идеи: «Нельзя, они тяжелые, гейкосора потеряет устойчивость. Вот если бы на гиппос... Но он тихоходный, от погони на таком не уйдешь... Да и где его взять...»

Батт подошел к финикиянину.

– Я слышал шум... Кто там был?

– Мать фиаса, с ней какая-то баба с грудным ребенком и подросток.

– Давай их сюда!

Вскоре сатиры привели напуганных пленников.

Увидев знакомого трагеда, Метримота вскинула вверх сжатые кулачки:

– Подонок! Мы с вами кровью поделились, а вы...

Жрица не успела договорить, потому что Гариб толкнул ее в спину. Метримота упала на плиты, но нашла в себе силы встать на колени. Она ненавидящим взглядом смотрела на силену снизу вверх.

– В храме две медные чаши, – пролаял Батт. – Которую из них везли Крезу?

Метримота молчала. Через мгновение она все поняла. И зачем кипрским дадукам понадобилась жертвенная кровь, и что делают сатиры ночью на теменосе.

– Так вот что ты задумал! – гневно прошипела жрица. – Подменить кратер! Он был подарен храму, а значит, это святыня. Я скорее сдохну, чем скажу... И не думай, что я тебя не узнала. Ты заплатишься за совершенное святотатство.

Батт кусал губы, он не мог признать поражение, но причинить Матери фиаса вред тоже не мог.

Гариб схватил Иолу за плечо:

– Ты кто?

– Послушница.

– Что делала в Герайоне ночью?

– Проходила очищение перед инициацией.

– А это кто? – финикиянин показал на Формиона.

Помедлив, Иола прошептала:

– Сын.

– Тоже неофит?

– Нет... Он смотрел за дочкой, пока я молилась.

Гариб вырвал из рук матери младенца.

Иола закричала, забилась в руках державших ее сатиров. Формион дернулся к сестре, но тут же получил удар под дых. Он захрипел, когда его горло сжали сильные пальцы.

Держа плачущую девочку перед собой, финикиянин злобно процедил:

– Или ты мне покажешь кратер Креза, или я сейчас разобью ей голову.

Гариб взял младенца за ручку и поднял перед собой. Девочка беспомощно висела над открытым кровью и копотью алтарем.

Финикиянин прорычал:

– Думаешь, не смогу? Ваш Дионис будет только рад жертве... А я воздам хвалу Баал-Хаддаду.

Теперь голосили уже обе женщины. В дверь эргастула заколотили. Сатиры всем весом навалились на балку, чтобы гиеродулы не смогли вырваться наружу.

Батт нахмурился: если храмовые рабы вступятся за хозяйку, начнется драка. Тут уж нищие ждать не будут и побегут за подмогой. Не хватало еще превратить обычный грабеж в поножовщину с непредсказуемым итогом. Придется прибегнуть к проверенному средству.

Он кивнул сатиру с факелом в руке:

– Поджигай!

Киприот понимающе осклабился.

Вскоре сарай запылал. Со стороны города пожар казался просто ритуальным костром Диониса. Нищие принялись бить поклоны, решив, что на теменосе продолжается обряд жертвоприношения.

На лице Батта играли отсветы пламени. Он впился взглядом в Иолу. Вот она перед ним – жена его личного врага, который убил Гнесиоха. Вот они – его сын и дочь. Чего проще: вынуть нож и перерезать горло каждому из них по очереди, чтобы душа убитого друга возрадовалась отмщению.

Но с ним происходило что-то странное. Где-то внутри, под сердцем, пушистым теплым котенком шевельнулось сострадание. Он вдруг вспомнил мать, вот так же прижимавшую к груди младшую сестренку.

«Что это со мной? – растерянно подумал он. – На Хиосе... Теперь опять...»

И снова вспышка: кухня, пылающий очаг, стол, кувшин парного молока, миска с домашним печеньем... И снова родное, трогательно-милое лицо матери, радостная беззубая улыбка младенца...

Он приказал Гарибу:

– Дай девчонку сюда.

Вернув ребенка Иоле, раздраженно бросил финикиянину:

– Ни одна из них не скажет... Обе будут хранить верность Гере.

Тогда Гариб заорал на Формиона:

– Ты скажешь! И не смей врать! А если соврешь, то признаешь себя слугой Геры, а значит, останешься в храме, чтобы служить ей дальше... Евнухом!

Галикарнасец опустил голову. Иола смотрела на сына со страхом в глазах. На лице Метримоты застыло выражение непреклонной решимости. Ее худшие опасения оправдались: когда отрубленный хвост последнего забитого козла скрючился в огне жертвенника концом вниз, она сразу заподозрила неладное.

От полыхающего сарая веяло жаром. Крики внутри давно стихли.

5

Формион молчал.

Тогда Батт принял решение:

– Которая из них на триста амфор?

Гариб подумал прежде, чем ответить:

– Пузатая.

– Вот ее и берем!

Наксосец ткнул пальцем в Формиона:

– Твое молчание выйдет тебе боком... Поплывешь с нами. Если я ошибся, ты будешь болтаться на рее, а если вернешься живым, жирицы тебя оскопят... Доигрался!

Киприоты снова метнулись к храму. Пленники так и остались стоять возле догоравшего сарая. Метримота порывалась высвободиться, однако сатиры крепко держали ее за локти.

Медный кратер вынесли на канатах из крепкой тартессийской конопля. Накрыли покрывалом с созвездиями. Терракотовую чашу затащили в храм и поставили на его место.

На корабль Диониса кратер погрузили быстро – сказался опыт спуска подмены. Поликрита сидела на носу, никем не замеченная в темноте. Она наблюдала за сатирами с довольной улыбкой. Самосской харите нравилось, что киприоты с таким почтением относятся к жертвенной крови.

Поликрита все-таки решила дожидаться, пока чашу привяжут к мачте. Помпэ закончилось, пора было отправляться в лес к подругам. Она и так уже опаздывает на вакханалию.

Но ей хотелось убедиться, что у посланников кипрских дадуков все получилось, потому что ее обязательно попросят рассказать об этом важном событии в лагере.

Поликрите показалось странным, что от легкого удара о мачту кратер издал совсем другой звук – металлический, словно пустой медный пифос задела кочергой на кухне.

Она легкими шажками подбежала к чаше, приподняла край покрывала. Понюхала – ничем не пахнет. Встав на цыпочки, заглянула внутрь – и обомлела. Кратер был пустым!

Тогда она вынула из волос заколку и постучала бронзовой пчелой по крутому боку. Кратер отозвался легким звоном. Еще не веря в очевидное, Поликрита царапнула чашу. Провела ладонью по гладкой холодной поверхности – никаких царапин на краске. Да это и не краска...

Саммеотка спустилась на землю по оставленному сатирами канату. При свете факелов киприоты готовили корабль к возвращению в Скалистую бухту по плохой дороге и в кромешной темноте. Смазывали втулки, меняли чеки, проверяли крепление оглобелей к оси...

Поликрита бросилась к городу, над которым стояло зарево дионисийской ночи. За ее спиной с теменоса поднимались клубы дыма. Саммеотка понимала только одно – киприотов надо остановить. Привязанный к сосне Формион с тоской посмотрел ей вслед.

Под ногами хрустели черепки вымостки. У костров пьяные компании горланили песни. По улицам шлялись одуревшие от вина островитяне. Разорвав облака, луна высветила бледную вершину мраморной горы Керкетеус.

Вот и дом... В перистиле слышались голоса. Теплый грудной смех Дрио, насмешливый ионийский говор Геродота, крепкий и уверенный баритон Херила.

Поликрита замерла возле статуи охранителя домашнего очага Зевса Геркея. К ней повернулись встревоженные лица родных и друзей. Разговор остановился на полуслове.

– Беда! – выдохнула саммеотка. – Киприоты похитили чашу Креза!

Она вдруг озабоченно огляделась:

– А где Формион?

Геродот побледнел:

– Так он в храме был... Прощался с Иолой.

Повисло тяжелое молчание...

Сообща приняли решение: гейкосору надо задержать. Атаковать корабль Батта с моря саммеоты не смогут, потому что в праздник не собрать ни одного трезвого экипажа. К тому же в Самосском проливе пиратов может поджидать спартанская эскадра, уж слишком нагло они себя ведут.

Геродот горячился, настаивая, что нужно известить Менона. Он долго не мог простить гиппарху смерть Паниасида, но, когда Софокл объяснил другу, что за поступком фарсальца стоят государственные интересы, вынужденно смирился.

Вот и сейчас галикарнасец был уверен, что Менон остановит Батта, так как возвращение кратера в храм Геры будет иметь важное политическое значение для Афин. Спорады – уже не Персия, поэтому Менон наверняка сможет организовать карательную операцию, не ставя в известность Лигдамида.

Херил согласился с доводами друга, но при одном условии: Геродоту нельзя появляться в Галикарнасе, а значит, поплывет он сам. Оставалось придумать, как лишить Батта команды.

– Я знаю, что делать, – мстительно сказала Поликрита. – Он пожалеет о том, что связался с Дионисом...

К полуночи корабль Диониса выехал на берег Скаистой бухты. Сатиры налегали на корму, помогая быкам, копыта которых вязли в мелкой гальке. Впереди отчетливо виднелся силуэт гейкосоры. Фонарь полуюта покачивался на ветру, моргая, словно глаз Киклопа. Под желтой луной чернел орлиный клюв утеса.

Кратер спустили на канатах. Сатиры подсунили под него доски и были готовы поднять ношу на плечи, когда со стороны хребта послышался отдаленный шум. Киприоты в недоумении остановились.

Забравшись на скалу, Батт тревожно вглядывался в ночь. И тут он увидел, как гора впереди озарилась светом. Сотни огней сначала рассыпались по темному лесу, потом объединились, чтобы устремиться в сторону бухты. Так языки раскаленной лавы, вытекая из жерла вулкана, сливаются в пылающий смертоносный поток.

Шум нарастал, вскоре он превратился в крики, визги и завывания. Со склона Керкетеуса по ущелью Анкея неслась толпа впавших в дионисийское безумие вакханок.

Потрясая тирсами, размахивая топорами и ножами, трубя на бегу в раковины, растрепанные пьяные женщины мчались прямо на корабль Диониса.

Впереди бежала Поликрита в оленьей шкуре-небриде. В одной руке саммеотка держала факел, в другой сжимала обломок кедрового сука с шишкой на конце.

Вплетенные в волосы ленты развеивались за спиной. Она была так плотно обмотана лианами плюща, что походила на лешего, которого выгнал из дупла медведь-шатун.

– Андропоррастос! Эвиос! Плутодорис! Загреос! Меланейгис! – истошно выкрикивали вакханки.

Наксосец выругался.

Потом обернулся к подельникам и заорал, перекрывая усиливающийся гвалт:

– Грузите кратер! Мальчишку на борт! Остальные сюда с дубинами!

Шестеро сатиров по грудь в воде направились к корме гейкосоры с чашей на плечах. Освобожденный от свинцового дельфина «журавль» вытянул стрелу над водой в ожидании груза. Остальные киприоты вскарабкались на каменную грядку, отделявшую бухту от ущелья.

Вакханки были уже у основания гряды. Сдирая в кровь локти и колени, они карабкались по валунам. Падали, поднимались, цепляясь друг за друга, снова лезли вверх. Киприоты лупили их с гребня дубинами.

Перебираясь с камня на камень, Батт добрался до утеса. Вверив себя Гераклу, спрыгнул в море. Оттолкнулся от дна ногами и вынырнул на поверхность. Саженками поплыл к гейкосоре. С кормы ему бросили канат, а потом его подхватили крепкие руки.

Стоя на палубе, наксосец мрачно смотрел на гибель подельников. Вакханки были уже на гребне гряды. Тирсы вонзались киприотам в грудь. Топоры с хрустом дробили кости. Даже сбитые с ног, саммеотки в беспамятстве махали ножом, ранив себя и подруг.

Менады впивались зубами в руки киприотов, хариты вырывали клоки волос из бород, эйрены царапали лица врагов ногтями. Поднимая к небу искаженные ненавистью лица, спутницы Диониса были от восторга и злобного наслаждения.

Поликрита запрыгнула Гарибу на спину, обхватила его ногами. Он попытался, чтобы ударить ее о скалу. Тогда саммеотка с диким рычаньем укусила его в шею.

Финикиянин завертелся на месте, пытаясь кулаками попасть ей в голову. Но Поликрита только сильнее вгрызалась в его плоть. Рывок, еще один... И она выплюнула ошметок из мышцы и кожи. Растерзанная артерия взорвалась фонтаном крови.

Гариб рухнул на камни, а Поликрита вскочила на ноги. Над берегом разнесся душераздирающий волчий вой. Вакханки ответили таким же исступленным воплем.

Все было кончено. Пираты на гейкосоре начали бешено грести. Увидев, что корабль отчалил, вакханки бросились в воду. Но намокшие овчины мешали двигаться, а гребцы глушили барахтающихся женщин веслами.

От холодной воды вакханки пришли в чувство. Гейкосора продолжала уходить. Тогда они поплыли назад. Выбравшись на берег, саммеотки бесновались и потрясали кулачками, призывая на головы грабителей гнев Диониса.

Гейкосора второпях покинула Скалистую бухту. В лунном свете на привязанном к мачте медном кратере играли кровавые блики. От ватаги Батта осталось меньше половины...

В это время в порту Самоса Херил расправлял парус на рыбацьем дощанике с высокими бортами. Когда Геродот бросил ему конец швартовочного каната, саммеот оттолкнулся от причала веслом, после чего поплыл в сторону маяка.

В открытом море Херил взял курс на Южные Спорады. Если он хочет добраться до Галикарнаса за два дня, про плавание по мелководью вдоль берега Карии придется забыть.

На горизонте то и дело возникали паруса подозрительных керкуров, но, помаячив, быстро исчезали в белесом мареве. Саммеот знал, что одинокого рыбака в море никто не тронет.

Благополучно миновав остров Агатонисион, он направился к острову Фармакониси. Херил не спал, лишь иногда проваливался в тревожную дрему, но тут же вскидывался и хватался за ковш. Зачерпнув воды, выливал ее на голову. А потом долго всматривался в фиолетовую тьму.

Созвездия дрожащим мерцанием указывали ему путь. Северо-западный Скирон цеплял парус упругими хлесткими порывами. Волны бежали навстречу, теснясь и вскипая бурунами...

На закате второго дня Херил увидел огонь на маяке мыса Термерий. Ночь едва вступила в свои права, когда он постучался в ворота виллы гиппарха Менона. Имя Геродота позволило саммеоту нарушить покой хозяина без приглашения.

После того как ойкет омыл ему ноги, его провели в андрон. Выслушав гостя, фарсалец позвал вестового. Собеседники еще не успели допить вино из широкогорлой ольпы, а капитан Харисий уже входил в дом.

Глава 3

467 год до н. э.

Самос, Эфес, Сарды

1

Батт мрачно смотрел на море.

Гейкосора уже третий день дрейфовала в Самосском проливе, прячась за обглоданные штормами скалы. Якорный канат дрожал от напряжения. Парус был распущен, но пираты развернули его вдоль борта так, чтобы поставить по ветру при малейшей тревоге. Про весла можно было забыть, потому что горстка выживших гребцов корабль не разгонит.

Наксосец понимал: плыть с жалкими остатками экипажа в Мисию нельзя. Если корабль застигнет буря, без ручной тяги он не сможет маневрировать.

Новые рабы сейчас – это непосильная роскошь. С шестью подельниками нечего и соваться на материк. В любой рыбацкой коме такую смехотворно маленькую ватагу пиратов ждет гибель.

Оставалось одно – набрать гребцов на Самосе, чтобы добраться до Наксоса. А там добровольцев пруд пруди. Но как сунешься в город после нападения на Герайон? И кого послать? У Батта до сих пор в ушах звучал предсмертный крик Гариба.

Оставшимся в живых киприотам наксосец не доверял, так как после нападения вакханок их боевой дух заметно упал. Они даже начали шептаться, что лучше вернуть чашу, пока не поздно. Такой разговор подслушала долонка.

«Вот Хрисонету и пошлю! – осенило Батта. – Ее на острове никто раньше не видел, так и предъявить ей нечего».

Он поискал рабыню глазами.

Увидел, как долонка заботливо предложила сидевшему возле чаши Формиону намоченную морской водой рогожу. Галикарнасец с благодарным видом положил тряпку на голову, чтобы не напекло солнцем.

Кратер матово отсвечивал. Пропущенные сквозь ручки-аканты канаты крепко притягивали его к мачте. Край звездного покрывала беспечно полоскался на ветру. Из трюма доносилась брань – остатки ватаги с горя допивали дешевое вино.

– Иди сюда! – позвал Батт рабыню.

– Да, господин, – в голосе Хрисонеты звучала покорность.

– Пойдешь в город, найдешь место, где толкнутся поденщики... Выбери гребцов, человек десять. Плыдем на Наксос... Смотри на руки – все пальцы должны быть целы, чтобы весло могли держать. Остальное не важно... Плата – драхма в день. Обрато на Самос пусть добиваются, как хотят, не мое дело... Только одна через ворота не иди, пристройся к каким-нибудь женщинам. Иначе гоплиты привяжутся: кто такая, куда идешь... Поняла?

– Да, господин, – немногословно ответила долонка.

Потом спросила:

– Как гребцы попадут на корабль?

– В Скалистой бухте есть утес, похожий на клюв орла. Я к нему подойду на закате... Если все в порядке, помашешь мне веткой. Пусть тогда прыгают в воду, мы их подберем.

Вскоре от гейкосоры отчалила легкая лодка, обтянутая промасленными бычьими шкурами. Проводив ее глазами, Батт направился на корму.

Пнул Формиона:

– Не передумал еще молчать?

Не отвечая, галикарнасец всматривался в сторону открытого моря. Внезапно его лицо просветлело. Батт повернулся – и оторопел. Из-за белой скалы на гейкосору летела пентеконтера с вымпелом Галикарнаса на мачте.

Весла с громким плеском вспарывали воду. От бронзового трезубца на таране разбегались буруны. На форштевне бешено тарасила глаза нимфа с распахнутым в крике ртом.

– Приготовиться к тарану! – заорал наксосец.

Потом метнулся к чаше.

Разрезая канат кинжалом, мстительно бормотал:

– Не получите! Давайте, бейте... Пусть лучше утонет!

Кратер отозвался едва слышным мелодичным стоном. Батт остановился, не зная, что делать с пленником. Может, воткнуть ему клинок в горло? Формион молча протянул к нему связанные запястья. Поколебавшись, наксосец рассек пути.

Рявкнул:

– Вали!

Через мгновение гейкосора сотряслась от мощного толчка. Удар пришелся в бок. Затрещала обшивка, завопили не успевшие выбраться из трюма киприоты.

Корабль приподнялся, заваливаясь вбок, словно буйвол, насаженный на рога соперником. Дав задний ход, пентеконтера с хрустом выдернула таран из дыры. Когда вода хлынула сквозь разодранные доски, гейкосора тяжело осела на поврежденный борт.

Канаты бешено заплясали над палубой. В весельных портах беспомощно торчали деревянные обрубки. Вода хлестала по трюму, заливала гребные банки, смывала корзины и тюки.

Чаша закачалась, но устояла. Тогда Батт навалился на нее плечом. Еще немного – и кратер пополз по палубному настилу, накренился, а потом, ломая планширь, рухнул в море.

Наксосец прыгнул в воду. Бешено заработав руками, поплыл к берегу. Он ни разу не обернулся на тонущую гейкосору, рядом с которой в море барахтались киприоты.

Пираты цеплялись за обломки весел и друг за друга, пока последний из них не исчез в водовороте из корабельного мусора. С обросшего водорослями полузатопленного валуна на побоище удивленно тарасился рыбак...

Батт брел по насыпи в одной набедренной зоме. Через плечо висел выжатый, хотя все еще влажный хитон. Впереди вздымалась лесистая верхушка Амπεла, у подножия которого белели постройки Самоса.

Судьба Формиона наксосца не волновала. Если упрямый мальчишка утонул, туда ему и дорога. Сам виноват – нечего было геройствовать. А если его спасли галикарнасские моряки, значит, так распорядились Мойры.

Вот кого ему вовсе не было жаль, так это погибших подельников. Пират редко умирает своей смертью. Утонуть для моряка – это даже почетно. Зря, что ли, Посейдону приносят в жертву вино, морских гадов и часть награбленной добычи.

Хуже, когда тебе выпустят кишки ножом, чтобы ты потом медленно умирал на берегу. Валяешься весь в песке, крови и собственных испражнениях, а по тебе ползают некрофаги.

– Бррр! – он в отвращении сплюнул.

Наконец, впереди выросла городская стена.

Батт натянул хитон, после чего уверенной походкой направился к воротам. Гоплитам на часах пришлось соврать, будто он купец из Коринфа, плыл сюда с грузом керамики, но был ограблен пиратами на соседней Икарии.

Обобрали подчистую, подорожную гильдии порвали, доплыл до Самоса за спасибо на попутном лембе. Сейчас вот идет на оптовый рынок, может, там кого из своих встретит.

На дейгме он затерялся в толпе. Толкаясь среди продавцов и покупателей, пират косился на тюки, рулоны, сундуки, амфоры, мехи... Опытным взглядом оценивал чужое добро: папирус

и парусину из Египта, сирийский ладан, слоновую кость из Киренаики, карфагенские ковры, родосские фиги, эвбейские груши...

Купцы наперебой расхваливали свой товар, лоточники хватали прохожих за руки, уличные порнаи растягивали рот в похотливой улыбке, профессиональные игроки в кости с равнодушным видом трясли кружку с астрагалами.

Хрисонету наксосец увидел возле нимфея. Она сидела на парапете бассейна, в охотку уплетая лепешку. Батт опустился рядом. Долонка подвинулась, но жевать не перестала. Только бросила на него встревоженный взгляд – если он пришел сюда один, значит, что-то случилось.

– Где взяла? – спросил Батт.

– Украла... – она отломала кусок и протянула ему. – Будешь, господин?

Он молча взял еду.

Не глядя на рабыню, бесстрастным тоном сказал:

– Гейкосоры больше нет... Нас атаковали...

– Кто?

– Пентеконтера из Галикарнаса.

– А кратер?

Он пожал плечами:

– Утонул.

– И что теперь, господин?

– Что-что... – пробурчал Батт. – Ноги надо отсюда уносить.

– Вернемся домой? – с надеждой в голосе спросила Хрисонета.

Батт кивнул:

– Да... Но задерживаться на Наксосе не будем. В Икарийском море мое имя слишком хорошо знают. После того, что я натворил на Самосе, амфикифия Геры меня рано или поздно разыщет... Откопаю деньги, подлатаю мой старый керкур и двинемся на север... В Элладе мне больше делать нечего.

– Куда? – тревожно спросила долонка.

Батт неопределенно махнул рукой:

– Чем дальше, тем лучше... – помолчав, добавил: – Да хотя бы на Херсонес Фракийский, там земля ничейная...

Утром следующего дня к Самосскому проливу потянулись запряженные ослами повозки. Следом гиеродулы гнали стадо волов. Со стороны города торопились опытные ловцы устриц.

Фиас Геры объявил награду за подъем реликвии. Поисками кратера руководила Метримота. Отряд воинов-эпибатов с корабля Менона получил задание оцепить место поиска. Нырлящиков посадили на лемб.

Десятки рыбаков с рассветом прочесывали на лодках Скалистую бухту, внимательно осматривая дно в поисках гейкосоры. Когда один из них заметил торчавшую из глубины мачту в ореоле стайки пятнистых бычков, над водной гладью разнесся крик: «Есть!»

Канаты сгрузили с повозок и переправили на лемб. Ловцы устриц попрыгали за борт. Опутав канатами ручки кратера, они вынырнули на поверхность. Лемб направился к берегу, постепенно разматывая пеньковые кольца.

На берегу гиеродулы привязали концы канатов к дышлу. Погонщики заработали кнутами и стрекалами. С протяжным мычаньем волю натянули постромки. Медленно, но верно, поднимая со дна моря песчаную муть и распугивая рыб, чаша поползла к берегу.

К вечеру она стояла на старом месте. Терракотовую подмену вынесли на теменос. Кровь вылили на пожарище эргастула в память о погибших гиеродулах. Затем чашу разбили, а черепки свалили в ботрос.

Метримота приказала зарезать десять овец в благодарность богине за спасение реликвии. В молебне принимала участие и Иола, теперь уже как полноправная жрица.

2

Весенний сад благоухал.

К запаху цветущей сикоморы примешивался эфирный дух фиштак. Вишни, черешни, гранаты и груши окутывало невидимое, но хорошо осязаемое облако ароматов.

Клумбы пестрели яркими пятнами. Махровый гибискус раскрыл большие красные бутоны. Лантана удивляла разноцветными соцветиями. Канны доверчиво расправили оранжевые лепестки, на которых еще блестели капли утренней росы. Куст олеандра трогательно и доверчиво смотрел на мир розовыми цветами.

Галикарнасец склонился над дифтерой – листом выделанной овечьей кожи. Он хмурился и что-то сосредоточенно писал расщепленной на конце тростниковой палочкой-калам, обмакивая ее в чернильницу.

Поликрита неслышно, на цыпочках подкралась сзади. Резко закрыла Геродоту глаза ладонью. Он вздрогнул, прекратил писать, после чего обернулся с недоуменным выражением на лице.

Самеотка озорно рассмеялась.

– Что делаешь? – спросила она, заглядывая галикарнасецу через плечо.

Отложив калам в сторону, Геродот пояснил:

– Пишу историю Самоса.

Поликрита зашевелила губами, читая:

– Ой! Некоторые слова такие странные.

– Так это аттический говор ионийского диалекта. На нем в Афинах разговаривают. Со времен Гекатея исторические описания сочиняются только на этом диалекте... Хороший тон – понимаешь?

Она кивнула, затем спросила:

– Ты в порт ходил?

– Ходил... Сегодня работы нет. Лименофилак велел завтра появиться, сказал, что афинский лемб под погрузку встанет... Пока я свободен, нужно все записать. Свиток можно размножить, а потом разослать по библиотекам... Так его прочтает больше людей.

– И зачем тебе это? – не унималась Поликрита.

Геродот на мгновение растерялся:

– Как зачем... Пусть про Самос все знают... И про войну Поликрата с лакедемонянами, и про его дружбу с фараоном Амасисом, и про помощь Камбису, сыну Кира... Неужели можно забыть, как Поликрат запер женщин и детей в доках, чтобы горожане не перешли на сторону мятежников? Он ведь был готов их всех убить... Много о чем можно написать... Да вот хоть о том, как мы отбили медный кратер у пиратов. Разве этот подвиг не заслуживает народной памяти?

Поликрита помрачнела:

– Мои подруги погибли... Ты прав, про это забывать нельзя.

Казалось, Геродот завелся:

– Так ведь я и не первый историк в Элладе. Вот смотри... Сначала были эпические стихи. Гомера и Гесиода ты должна знать...

Поликрита снова кивнула, тогда Геродот продолжил:

– Они в основном про богов и героев писали... Потом аэды начали петь под аккомпанемент лиры вообще обо всем. Ну, там, про войну, смерть, любовь, смысл жизни, богатство и бедность... Из современных эпических аэдов я знаю только твоего брата, да моего покойного дядю... Трагедии и комедии тоже пишутся в стихотворной форме. Но вот ученым требуется излагать свои мысли понятным языком в прозе. Чтобы читатель не только удовольствие полу-

чал, но и имел возможность вдумчиво изучить изложенное. Так появились сочинения философские, географические, исторические, даже ораторские... Например, мифографы составляют генеалогию эвпатридов. Это, конечно, очень узкая специальность. Поэтому я беру пример не с них, а с логографов, которые рассказывают про разные интересные места и события. Особенно мне нравится Гекатей Милетский. Он побывал в Европе, Азии, Ливии... Описывал то, что видел своими глазами, без прикрас и ссылок на авторитеты. Высказывал собственное мнение. Еще и карту ойкумены нарисовал. Правда, на мой взгляд, его повествование суховато... Он и считается первым историком.

Саммеотка погладила краешек кожного листа.

– Как ты научился доходчиво излагать свои мысли на письме? Я вот говорю складно, а дай мне в руки калам, так сразу растеряюсь... Слова в голове порхают, будто бабочки вокруг костра, но в готовую фразу складываться не хотят.

Геродот вздохнул:

– Приходится сначала в уме все обдумать, чтобы не испортить дифтеру. Она дорого стоит... Я уже не говорю про папирус... Ладно еще саисский или купеческий – эти сорта дешевые, потому что низкого качества, а например, канобский библос мне точно не по карману... Так дифтеру еще и кедровым маслом пропитать надо, чтобы не рассыхалась, это тоже деньги... Было бы, конечно, легче сначала нацарапать, как придется, на свинцовой пластине, вощенной пинаке или на горшечном черепке, а потом уже облечь слова в красивую форму на коже или папирусе. Только мне времени жалко...

Он вдруг внимательно посмотрел на саммеотку:

– Ты бы смогла быстро записать то, что я скажу?

– Ну, да, – удивилась она. – Тут ничего сложного нет, если ты продиктуешь.

Он протянул Поликрите глиняный черепок и нож:

– Давай... Геракл намял бока Немейскому льву.

Саммеотка с легкостью выполнила задание, после чего вернула керамический черепок-остракон Геродоту.

Изучив запись, он похвалил ее:

– Умница.

– А еще проще переписывать, – довольно заявила Поликрита.

Она вскочила, игриво щелкнула ему по темечку щелбан и, подхватив корзинки, скрылась в саду. Только желтый хитон замелькал среди стволов черешен.

Внезапно со стороны ворот послышался стук кольца.

Галикарнасец не удивился, потому что утренние часы после рассвета считались на Самосе лучшим временем для похода в гости. На щебневой дорожке показался Херил с гостями.

Геродот сразу узнал Менона и Харисия. Оторвавшись от работы, он поспешил им навстречу. И остановился в замешательстве, не увидев Формиона. В худшее верить не хотелось.

– Да жив он, жив! – с чувством произнес Менон, обнимая Геродота. – Харисий его вытащил из воды до того, как гейкосора Батта затонула... Ну, а пираты пошли на корм рыбам.

Галикарнасец облегченно вздохнул, затем сердечно поблагодарил гостей. Но тревога не прошла, потому что Формиону грозила другая беда. Метримота считалась ревностной поборницей храмовых правил, а значит, судьба двоюродного брата была решена.

– Где он? – спросил Геродот.

– Сразу вернулся в Герайон. Сильно беспокоился, как там Иола, – Менону казалось, что эти слова успокоят галикарнасца.

Все еще улыбаясь, фарсалец хлопнул Геродота по плечу:

– Поздравляю с возвращением кратера! Каждый из вас оказался на высоте, внес свой достойный вклад в спасение реликвии. Я уже наградил Харисия за блестящий маневр. Оста-

лось сообщить Кимону. Посланник Самоса после такой открытой поддержки со стороны Афин должен стать сговорчивее на коллегии Делосской симмахии.

Хозяева и гости расселись на складных садовых дифросах. Из-за куста ежевики высу-
нулся было темно-бурый ибис, но, увидев людей, поспешил спрятаться среди деревьев.

Шум голосов напугал и славку. Птичка с серым брюшком и зеленой спинкой перелетела на соседнюю оливу, где продолжила самозабвенное пение.

– У меня к тебе просьба, – обратился Геродот к Менону. – Формион жив, но... Он еще не спасен, потому что Метримота хочет сделать его евнухом... Ты можешь помочь?

Менон нахмурился:

– Формион рассказал Харисию, как один из киприотов кричал на него, грозил оскотлением. И что Мать фиаса молчанием подтвердила его слова. В общем, так... Уверен, Кимон одобрит мои действия. От лица Ареопага я попрошу Метримоу нарушить правила Герайона. Пусть Формион принесет искупительную жертву, наложит на себя пост, обеты, еще что-нибудь... Но в обиду парня я не дам! Не сомневайся. Он подвиг совершил, так что может рассчитывать на благодарность Афин.

– Спасибо! – с чувством ответил Геродот.

Смерив галикарнасца благодушным взглядом, Менон снова принял серьезный вид:

– Херил признался, что ты сочиняешь историю Самоса... Как продвигается работа? У тебя есть все необходимое: дифтеры, тушь, каламы?

Геродот виновато улынулся:

– Куда там... Вкалываю поденщиком в порту, большую часть платы отдаю матери. Могу себе позволить пару кусков выделанной кожи в месяц. Так много не напишешь...

Менон кивнул:

– Все ясно... Давай теперь поговорим о деле.

Он выложил перед галикарнасцем кошель из ярко-красного сафьяна:

– Здесь сто драхм от Кимона. Он скорбит о твоём дяде. Ты можешь потратить эти деньги по собственному усмотрению. Хочешь, отдай семье Паниасида, хочешь, отнеси своей матери... Или купи запас дифтер. Кимон просил передать, что готов и дальше поощрять твой исторический труд. Но... – фарсалец сделал многозначительную паузу. – От тебя потребуется ответная услуга. Настало время послужить Афинам... Ты готов?

Геродот колебался. С одной стороны, он пока не знал, что именно от него хотят. С другой стороны, ему пришлось только что попросить Менона о помощи, и тот ему не отказал. Правила долга требуют пойти фарсальцу навстречу. Да и деньги не помешают.

Он решил:

– Готов.

– Хорошо, – по лицу Менона пробежала довольная улыбка. – Тогда я объясню в подробностях... Кимона интересует военная активность персов в районе Восточных и Южных Спорад. Благодаря содействию Лигдамида, афинская флотилия контролирует побережье Малой Азии... Однако со времен Поликрата многое изменилось. У Ксеркса теперь сильный флот, который базируется в заливе Керамик, откуда его эскадры шарят по Эгейскому морю. Пентеконтеры с фаравахаром на вымпеле были замечены и в акватории Самоса. Видимо, кое-кто из геоморов еще не забыл, как брат Поликрата Силосон кормился с руки сатрапа Сард Оройта... Кимон приказал наварху пока не вступать в прямое столкновение с персами. Он готовится к масштабным действиям. Так вот... Ему нужны доказательства того, что власти Самоса ведут двойную игру. От тебя не потребуется ничего сложного. Просто держи глаза открытыми и прислушивайся к разговорам в харчевнях... Отмечай сигналы: корабль с фаравахаром на внешнем рейде, мутные рекрутеры, говорящие на койнэ с акцентом, которые выкладывают на стол серебряные сиглосы с изображением льва или быка, азиатские торговцы, закупающие в большом количестве корабельный лес, смолу, пеньку...

– А кому и куда я должен сообщать эти сведения? – спросил Геродот.

– Давай так, – уклончиво ответил Менон, – у тебя в Афинах есть друг, Софокл, вот ему и пиши, а он передаст твое послание Кимону... Так мы избежим ненужной огласки в случае, если письмо перехватят враги. И еще... В разведке принято шифровать послания. Например, коня можно назвать овцой, колесницу телкой с телятком, а пехотинца паломником. Допустим, ты узнал, что в Эфес отплыл гиппос с табуном из ста коней. А ведь от Эфеса в Сарды ведет прямая дорога. Значит, ты сообщаешь: идет перевозка овец на пастбище. Отплыл гиппос, хозяин сотни овец Ификрат, сын Ламприска, капитан – Гермолик, сын Артемия... Под пастбищем будем подразумевать Сарды... Всем понятно, что происходит.

– А как обозначать боевые корабли?

– Пока никак, вряд ли дело дойдет до маневра персидских флотилий вблизи Самоса. Это уже боевые действия в зоне влияния Делосской симмахии, на которые Ксеркс не осмелится. На будущее условимся так: триаконтера – это мул, пентеконтера – бык, триера – вол, запряженный в повозку.

– Я должен отбирать сведения на свое усмотрение?

– Сам решай, что важно, а что нет... Всегда можно обсудить детали в личной беседе.

– С кем? – удивился Геродот. – Софокл и Кимон в Афинах, ты в Галикарнасе.

– С Харисием, – ответил Менон, кивнув на капитана. – Не утаивай ничего, что может заслуживать внимания. Любая мелочь может оказаться ключом к тщательно скрываемому врагом секрету. Кроме того, Харисий будет передавать тебе поручения от меня. Вы оба – напарники... Договорились?

Геродот кивнул.

Менон продолжал давать указания агенту до вечера. Закончив деловой разговор, хозяева предложили гостям обед. Затем все вместе совершили тройное возлияние в честь Гестии, Зевса Олимпийского, домашних богов Херила и Поликрита, а также Зевса Сотера, и еще долго сидели в саду, потягивая вино из канфаров под оглушительное пение обалдевших от весеннего раздолья птиц.

3

Геродот помогал Поликриту собирать первый урожай персиков.

Саммеотка стояла на садовой стремянке, а галикарнасец придерживал ее за талию. Голое плечо Поликрита находилось так близко от его лица, что он не удержался, потерся о него щекой.

– Эй! – с деланным возмущением воскликнула Поликрита. – Мне щекотно, не отвлекай. А сама хитро улыбнулась.

По саду растекался нежный фруктовый аромат. Сорванные с нижних веток желто-оранжевые плоды уже были аккуратно уложены в корзину. Туда же отправились персики, поднятые с земли. Теперь Поликрита тянулась к верхним веткам.

Внезапно она охнула и покачнулась. Геродот обхватил ее бедра. Потом осторожно опустил саммеотку на землю. Когда она повернулась к нему лицом, их губы встретились.

Геродот прижал Поликриту спиной к стволу, жадно прильнул к ее шее, спрятав лицо в густых каштановых волосах. Он шептал нежные слова, наслаждаясь запахом кожи, а она подалась вперед, чувствуя его нетерпение, возбуждение, молодую необузданную страсть.

Через несколько мгновений влюбленные лежали под деревом, забыв и о персиках, и о скромности, позволяя телу делать то, о чем потом так сладко вспоминать в одиночестве.

– Ты когда понял, что я тебе нравлюсь? – спросила Поликрита после того, как Геродот в изнеможении откинулся на спину.

– Да сразу... В самую первую встречу, – легко ответил он. – Правда, сначала это чувство было неосознанным. А когда ты начала рассказывать про Диониса, я не столько слушал, сколько смотрел на твои губы, ямочки на щеках, маленькие мочки ушей... Мне все в тебе нравилось... Нравится... Только...

– Что? – тревожно спросила она.

– Твой рассказ немного пугал... Я представлял себе, как ты несешься по лесу, размахивая тирсом в окружении таких же неистовых подруг. Даже «Вакханок» перечитал... А потом все думал – может, это правда...

– Ты о чем? – решила уточнить саммеотка.

– Кроважность, распущенность, одержимость...

Поликрита ответила не сразу. Она лежала, кусая губы и глядя в небо.

Наконец, со вздохом заговорила:

– Понимаешь... Жизнь домохозяйки монотонна и предсказуема. Женщине хочется хотя бы раз в год почувствовать полную свободу. От всего – надоевшего быта, хлопот у очага, хнычущих детей, да и чего греха таить – грубого, вечно чем-то недовольного мужа... Конечно, на вакханалию приходят не только те, кому опостытели размеренные бесцветные будни. Среди нас есть и порочные девушки, и затаившие злобу на весь мир старухи, и запойные вдовы, которые впадают в буйство после первого кувшина вина... Но каждая из нас мечтает о том ослепительном моменте, когда можно отбросить стыд вместе с условностями общества, чтобы обрести священное умопомрачение, с головой погрузиться в тайны ночного леса... Одна из таких тайн – это упоение яростью, взрыв кровавого безумия, когда вакханки бросаются с тирсами даже на вооруженных мечами и топорами мужчин... Именно так мы победили пиратов в Скалистой бухте...

– Я не понимаю, – взволнованно прервал ее Геродот. – Вот вы в шалашах предаетесь чувственным наслаждениям, вы пьяны, разнежены, умиротворены... И вдруг срываетесь с места, несетесь по лесу с перекошенными злобой лицами.

Поликрита грустно усмехнулась:

– Это просто... В каждой из нас есть не только частичка Диониса, но и частичка его матери Семелы, земной женщины. Ведь это так по-земному, когда на смену чувственности приходит жестокость.

Приподнявшись на локте, Геродот пристально посмотрел саммеотке в глаза:

– Не хотел бы я оказаться на твоем пути в такой момент... Но мне почему-то кажется, что ты не такая... Лучше, чем они... И как мне уберечь нас с тобой от этой непредсказуемой двойственности?

– Просто люби меня, – тихо сказала Поликрита.

Тогда он поцеловал ее. Сначала нежно, а потом истомленно, хмельно...

В конце мунихиона¹³ вновь приплыл Харисий.

На Самос тихо опускался вечер. Дневная жара отступила под напором морской прохлады. Снова друзья отправились в сад, чтобы обо всем обстоятельно поговорить.

Вишни, потеряв нежно-розовые покровы, казались нагими, а черешни уже были густо обсыпаны оранжево-желтыми гроздьями. Ветви мушмулы сгибались под тяжестью ранних плодов. Абрикосы еще только наливались сладостью. Зато в траве краснели россыпи сочной зрелой клубники.

Друзей никто не беспокоил. Разговор неспешно протекал под поздний обед. Геродот попросил Поликриту приготовить кикон на красном вине, ячменной муке и тертом сыре.

Перед каждым из сотрапезников стояла миска с миттлотосом – паштетом из меда, сыра и чеснока. Разлом свежеспеченного ячменного каравая еще пах дымом.

¹³ Мунихион – месяц афинского календаря, апрель-май.

Наконец, Харисий перешел к главному:

– Менон хочет поручить тебе важное задание... Но придется отправиться в Сарды.

Геродот опешил:

– В Лидию?

Харисий кивнул:

– Да... Ему стало известно от Кимона, что Ксеркс готовится к войне по всей акватории Нашего моря¹⁴. Стратег просит проверить, насколько эти сведения соответствуют действительности... Если это так, то по Царскому пути должны следовать войска. Вот откуда именно они идут – из Армении, Каппадокии, Мидии или из самих Сус – и важно выяснить... Само собой разумеется, надо их посчитать.

– На Царском пути стоят пикеты такабаров. Мне придется объяснять, кто я такой и что собираюсь делать в Сардах... Я дальше Сард не смогу проехать.

– И не надо... – Харисий выложил на стол папирусный свиток: – Это подорожная купеческой гильдии Галикарнаса. По документу ты грамматевс гильдии, который ищет надежного поставщика дифтер для канцелярии Народного собрания... Все печати на месте, комар носа не подточит. Подорожной тебе будет достаточно, чтобы свободно передвигаться по Сардам и окрестностям.

Глухо звякнул кошель.

– Деньги на расходы, – пояснил капитан.

Геродот растерянно смотрел на него. Лидия... Так далеко от дома на восток он еще не забирался. Мало того, что это чужая земля, так еще придется выполнять опасное задание.

– Поедешь через Эфес, – невозмутимо продолжил Харисий. – Но там останавливаться нет смысла. Купи осла или мула и сразу отправляйся в Сарды. И вот еще что... В каждом ионийском городе есть наш связник. Просто надо найти ближайшую к агоре гостиницу... Скажешь хозяину, что у тебя есть десять медимнов¹⁵ двухлетнего наксосского вина. Он спросит: смешано с виноградной золой? Ты ответишь: нет, жечь лозу Дионис не позволяет. Так вы узнаете друг друга... Он накормит, даст денег, если у тебя дела совсем плохи... В общем, поможет.

Геродот все еще не мог прийти в себя. Даже не знал, что спросить. Но Харисий не давил. Главное сделано: он поставил напарнику задачу, передал деньги, объяснил способ связи.

В том, что Геродот будет сотрудничать, капитан не сомневался – ведь он уже дал свое согласие Менону. А у гиппарха на галикарнасеца большие виды.

– С матерью сам поговоришь? – спросил Харисий.

Геродот кивнул.

Когда капитан ушел, галикарнасец так и остался сидеть в саду. Поликрита опустила на пустой дифрос, взяла его за руку.

– Расскажи, – попросила она. – На тебе лица нет... Зачем он приходил?

Геродот передал саммеотке разговор с капитаном.

– Завтра корабль Харисия уходит в Эфес, – закончил он. – Я должен буду плыть с ним.

– Никуда не поедешь! – неожиданно резко заявила Поликрита. – А если тебя схватят? Обо мне ты подумал?

Он молча сжал ее руку.

Потом потерянно улыбнулся и покачал головой:

– Я обещал... Вот не знал, что все будет так скоро и так серьезно.

– Ну, ладно, – сухо сказала саммеотка, – будем считать, что попрощались.

Остаток дня Геродот провел с семьей.

¹⁴ Наше море – Эгейское море.

¹⁵ Медимн – древнегреческая мера сыпучих тел. Аттический медимн Солона равнялся 52,53 л.

Дрио помогала сыну собирать дорожный мешок. Она доставала из бельевого сундука одежду, перебирала ее, разглаживала руками. Потом откладывала в сторону, снова склонялась над сундуком – все никак не могла решить, что лучше.

Пока Геродот не выбрал сам: «Это и это... Все! Если будет надо, куплю в Эфесе».

Временами Дрио хмурилась и застывала над какой-нибудь вещью, словно думая о чем-то тревожном. Но тут же стряхивала с себя наваждение, чтобы ободряюще улыбнуться сыну.

Феодор наловил губанов, зажарил на вертеле, после чего завернул рыбин в кусок холстины и сунул в мешок. Он старался вести себя как взрослый, поэтому не приставал к брату с вопросами.

На рассвете Геродот зашагал в гавань. Зевс Геркей задумчиво смотрел ему вслед с постамента. Чайки деловито склевывали у остывшего кострища остатки рыбьей требухи. Галикарнасец несколько раз обернулся в надежде увидеть Поликриту.

Херил обнял друга за воротами. На прощанье сунул в руку терракотовую фигурку Гермеса Эрмуния в крылатом петасе и с кошельком в руке:

– Пусть будет твоим талисманом... Ты ведь теперь купец.

Красный лемб Харисия с облесшей краской терся скулой о тростниковый крапец. Зеленая муть бултыхалась у причала. Рассветное солнце озорно выглядывало из прозрачных лужиц на квадратах. Ночной бриз слабейшими порывами тормозил парус.

Капитан встретил его на полубаке.

Бросив мешок на палубный настил, Геродот вдохнул полной грудью утреннюю свежесть. Ночные тревоги невидимо стекали с него как жертвенная кровь с фартука жреца. Теперь рискованное предприятие казалось ему не таким уж безнадежным.

Внезапно кожаная занавесь рубки раскрылась, и на палубу выскользнула Поликрита. Саммеотка стояла с виноватой улыбкой, пока Геродот ошалело смотрел на нее. Потом он порывисто обнял любимую.

Харисий с усмешкой на лице отвернулся.

4

Эфес оглушал гвалтом.

Огромный бронзовый кабан щерил клыки с мраморного постамента в центре дейгмы. Сардины из утреннего улова еще трепыхались на телегах. Стережущие товар возницы палками отгоняли назойливых чаек.

Зычные голоса купцов, скрип такелажа, крики ослов и шорох сотен сандалий по вымостке вплетались в мерный шум накатывающего на причалы прибоя, создавая неповторимую музыку порта.

С реки Каистр доносились глухие барабанные удары. Толпа впряженных в постромки рабов тянула в сторону Священной гавани длинную связку ошкуренных кедровых бревен.

За оптовым рынком высилась зеленая стена каштанов. Пахло рыбой, специями, дегтем и шерстью. В загоне безнадежно блеяли козы, потревоженные налетевшим с болот гнусом. Кухахтали куры, задиристо кричали бойцовые петухи.

Рыбак в скользком от слизи фартуке разделявал на камне тунца. Портовая шавка вертелась под ногами и беспричинно лаяла в надежде на требуху или рыбий хвост.

Из сухих доков доносился звон кузнечных молотов. Волы тянули к верфям повозки, нагруженные канатными бухтами, якорями, мешками пеньки, кожами... Над мачтами с болтающимися такелажом дрожали разноцветные вымпелы.

– Я вернусь в новолуние, – сообщил на прощанье Харисий. – Выгружу товар, потом повешу белый вымпел, будто готов для новых предложений... Буду ждать тебя до третьего дня растущей луны.

Попрощавшись с капитаном, Геродот и Поликрита направились к выгульному двору. Выбрав мула, Геродот повел его под уздцы. Путники с любопытством глазели по сторонам.

Вот справа от Портового проспекта на вершине горы Пион белеет храм Аполлона. По склонам разбросаны утопающие в зелени виллы. На соседнем холме Лепр высятся стены акрополя, за которыми виден фронтон кумирни Афины.

К стадиону и театру ведут широкие мощеные дороги. Набережные каналов украшены статуями. А дальше раскинулось сплошное море красных черепичных крыш до самых стен Артемисиона.

Белые мраморные колонны самого известного в Ионии храма словно парили над окружающими Священный холм фруктовыми садами. Огибая Артемисион, Селинунт нес свои беспокойные мутные воды к заболоченной пойме Каистра.

Вскоре путники вышли на Царскую дорогу. Сразу за городскими воротами Геродот присоединился к каравану. Через два парасанга Колофонская долина сузилась до ущелья с отвесными стенами, по обеим сторонам которого высились скалы хребта Месогида.

Тракт перед заставой был перегорожен бревном на двух каменных опорах. Здесь Геродоту пришлось в первый раз достать подорожную. Подозрительный гоппит внимательно изучил свиток, после чего махнул рукой: «Идите дальше».

Пройдя долину Каистра, караван заночевал в городке Лариса у подножия хребта Тмол. Утром путники поднялись в горы по Пактолскому ущелью, а в полдень уже спускались к Сардам.

Геродот всю дорогу шагал рядом с мулом. Поликрита иногда забиралась в седло. Сидя боком на мягком ленчике, она продолжала развлекать галикарнасца разговорами.

За курганом Алиатта открылся вид на акрополь Сард. Зубчатые стены опоясывали холм с трех сторон. Обращенная к Тмолу сторона бугрилась обрывистой скалой и казалась неприступной.

Геродот вспомнил текст свитка из библиотеки Лигдамида, где описывалось, как шах Кир смог взять Сарды благодаря досадному промаху лидийцев.

Один из защитников крепости уронил с боевого хода свой шлем. Ночью он спустился за шлемом по скале, но за ним проследили персы, а утром полезли на приступ в этом же месте.

Геродот повел мула в шахристан, который поразил путников обилием мелких торговых лавок. Стремительный, но грязный Пактол рассекал торговую площадь надвое.

Галикарнасец с удивлением взирал на мутную воду и глинистые берега, изрытые гнездами ласточек.

«Неужели эта помойка и есть та самая золотоносная река, которая когда-то послужила источником богатства Креза», – с мрачной иронией подумал он.

На постоялом дворе в квартале Асиада путники с трудом нашли свободный от поклажи лееван. Пока Поликрита нарезала сыр и хлеб, галикарнасец с наслаждением валялся на набитом сеном курпаче, потом присоединился к саммеотке.

На рассвете следующего дня они направились к Фокейским воротам. По сторонам седла свисали два мешка. В одном лежала тыква-горлянка с водой, завернутые в холстину лепешки, кусок вяленой телятины в виноградных листьях, головка козьего сыра, а также свернутая камышовая циновка. Другой мешок был доверху наполнен терракотовыми черепками, которые легко можно собрать на любом гончарном дворе.

Небо затянулось облаками. Горы за северным берегом Герма хмурились густо-синей дымной тенью. Долина волновалась и шумела. По всей реке полыхали лагерные костры.

А с запада, от Магнесии-при-Сипиле, прибывали новые отряды копейщиков. Выползая из-за излучины, колонны тяжело и не в ногу брели с разрывом в несколько стадиев¹⁶.

¹⁶ Стадий – стадия, древнегреческая мера длины, около 200 м.

Воины шли, подняв копье набалдашником вверх. Одни, в плетеных или кожаных шлемах, с маленькими круглыми щитами и кинжалами, в высоких кожаных сапогах, были явно азиатами, но не персами. Другие, в коротких хитонах и шнурованных эмбадах, выглядели как эллины.

Перед первой колонной рыскали рабы с кнутом в руке, расчищая армии путь. На пиках десятников-датапатишей развевались разноцветные вымпелы-драконы.

Разведчики расстелили циновку на пригорке на расстоянии броска камня от дороги. Разложили припасы, после чего улеглись, изображая путников на привале. Привязанный к ивemuл принялся увлеченно срывать листья с веток.

Поликрита достала из мешка первый остракон.

– Сначала дату поставь, – деловито пробурчал Геродот. – Сегодня двадцатое мунихиона – значит, это день Аполлона... Место – Сарды.

Затем принялся вполголоса наговаривать:

– Сотня паломников, еще одна... Вон прибывает не меньше сотни... Точно, они же на марше друг за другом сатабамами передвигаются. Тысячами мне сразу и не сосчитать... Тот крикун на коне явно сатапатиш... А конница где? Значит, уже проскакала... То-то я смотрю – трава покрыта пылью. Наверняка сразу пошли к горному проходу, минуя Сарды. Нам повезло, что мы вчера успели проскочить.

Он повернулся к Поликрите, которая молча ждала указаний:

– Написала? Дай посмотреть... Так, пиши дальше... Отара овец прошла к Эфесу или Колофону... Сколько голов, не известно... Значит, там будут ждать гиппосы...

Он вдруг задумался.

Потом пробормотал:

– Как дракона назвать? Не попоной же... Коней-то мы прямо не указываем, а овец попоной не накрывают...

И уже уверенным тоном заговорил:

– Паломники из Мисии, Фригии, Лидии, Пафлагонии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.